

Д.Ю. Филиппов (Рязань)

Пожар 1837 г. в Рязани: наброски к очерку городской повседневности первой половины XIX в.

Статья посвящена пожару 1837 г. в Рязани – одному из самых крупных в истории города. Исследование обстоятельств его возникновения и последствий позволило уточнить масштабы бедствия, пересмотреть существующую оценку влияния на формирование застройки и архитектурного облика Рязани середины XIX в., а также реконструировать отдельные эпизоды городской повседневности первой половины XIX в.: раскрыть особенности социальной и деловой жизни кварталов, примыкавших к Хлебной площади.

История повседневности, застройка Рязани, деловая среда, городские пожары

В истории любого города, как правило, есть события, память о которых хранится его жителями многие годы, а то и столетия. Они запоминаются не обязательно по причине своей исключительности, важности и значимости для истории конкретного места. Чаще всего они остаются в памяти тех, кто так или иначе оказался к ним причастен: был участником, свидетелем, кого они коснулись напрямую или косвенно, но сильно впечатлили своим масштабом, драматизмом или даже катастрофичностью, заметно нарушив привычный ход повседневности.

Со временем, когда проходит пик эмоций, переживаний, вызванных произошедшим, уходят детали, подробности случившегося, а само событие становится фактом истории места и начинает жить своей особой жизнью. Воспоминания о том, что некогда поразило или просто впечатлило очевидцев, передаются изустно в виде преданий, со временем обретая налет легендарности. Иногда событие находит своего летописца, зафиксировавшего его и снабдившего письменным свидетельством в виде хроники, дневника или мемуаров, а если очевидцем стал историк, осмыс-

ление выходит на иной, историографический уровень, подвергая произошедшее анализу и оценке в историческом контексте.

Что чаще всего попадало в анналы местной истории XVIII–XIX столетий? Если оставить в стороне военные драмы разных лет, которые, наряду с местным значением, всегда вписаны в общенациональный исторический контекст, перечень этот будет, вероятно, не особенно велик. В нем останутся такие заметные в местной истории факты, как визитации городов коронованными особами и церковными иерархами; события, взбудоражившие местные сообщества своей зрелищностью – различные торжества (например, при открытии губерний или по случаю коронаций и крупных военных побед) – или катастрофичностью – необычные природные явления и стихийные бедствия. Так, широчайшую известность получили страшное наводнение в Петербурге 19 ноября 1824 г. или эпидемия холеры 1830–1831 гг., охватившая значительную часть территории России.

К этому ряду в истории Рязани вполне может быть отнесен разлив Оки 1908 г., во время которого была затоплена значительная часть города, расположенная близко к окской пойме. Благодаря распространению фотографии он получил свою иконографию в виде профессиональных и любительских фотоснимков, видовых открыток, а местная пресса обеспечила его фактографическими подробностями. Именно фиксация этого события источниками разных видов способствовала его сохранению в памяти горожан.

Для жителей большинства русских городов в числе катастрофических происшествий, нарушивших, а порой и совершенно изменивших привычный ход жизни того или иного места, особенно памятными были крупные пожары, иной раз уничтожавшие города едва ли не полностью.

Именно «пожарные случаи» чаще всего попадали в местные хроники разных эпох с той или иной степенью подробности. Что касается рязанских пожаров (имеется в виду территория губернии), то в источниках личного происхождения упоминания о них встречаются нечасто, но тем самым подчеркивается именно масштабность событий.

Так, не только в официальных документах, но и в мемуаристике запечатлен грандиозный пожар в Касимове, случившийся в мае 1828 г.¹ Автор трудов по истории Касимова И.С. Гагин, согласно одному из пунктов своей программы описания истории и современности родного города, предполагал создание «Эпохи о происшествии пожара в Касимове 22 мая 1828 года»², – надо думать, эпического повествования об этой местной драме, уничтожившей большую часть городских кварталов.

В рукописном сборнике рязанского купца Г.Н. Панова, относящегося к первой половине XIX в., в числе памятных рязанских «происшествий» рубежа XVIII–XIX столетий упомянуты сразу несколько городских пожаров: 10 сентября 1774 г. «в 10-м часу по полудни», «от пламени коего сгорело купеческих торговых лавок – 310-ть, постоянных дворов – 27-мь, при которых имелось 19-ть лавок, также провинциальный магистрат, соляной анбар, в коем сгорело соли 1752 пу[да]»; «1814 года августа 6 дня по полудни в 5-м часу в исходе сгорел дом Мосолова Степана Михайловича»; в мае 1826 г. «пожар в Солдатской слободе в 2 часа, сгорело 3 дома дотла, да сломано 5 домов, день был тогда жаркой и ветренный»; и, наконец, «в 1837-м году, по полуночи в 1-м часу, в Рязанской губернии³ был пожар. Сгорели 36 дворов, постоянных 7, еще казенной почтенной дом, в месяце июле в воскресенье 18 числа...»⁴.

В «Хронологических указателях замечательных событий в Рязани и Рязанской губернии», публиковавшихся в местных адрес-календарях в начале 1880-х гг., значатся сразу несколько крупных городских пожаров: на Почтовой, Соборной, Краснорядской улицах 17 июня 1837 г.; на Московской улице 23 мая 1849 г.; пожары 27–28 апреля 1871 г.; «сильные пожары» на Почтовой и Соборной улицах 1 октября 1874 г. и в Горшечном ряду и на Соборной улице 15 сентября 1878 г.⁵ Все они в свое время потрясли обывателей и долго оставались в истории города, но со временем ушли в прошлое, стирались из памяти горожан.

Пожар 1837 г. остался в истории Рязани хотя и не совсем забытым, но оттесненным на задний план более громким событием. Речь идет о посещении губернского города в 1837 г. наследником

российского престола великим князем Александром Николаевичем, по времени почти совпавшем с драматичным происшествием. Высочайшая визитация, будучи значимым для города фактом, была описана в весьма обширной официальной документации как губернских органов власти, так и тех учреждений, которые посещал высокий гость, в мемуарной литературе, эпистолярном наследии лиц, составлявших свиту наследника, ну, и, как следствие, уже в начале XX в. это событие получило свою историографию⁶.

Причем в истории визита косвенно прозвучала и тема пожара, менее чем на месяц предшествовавшего посещению Рязани наследником. При отъезде из города цесаревич пожаловал 8000 рублей для раздачи бедным жителям, «особенно тем из них, которые более пострадали от последнего пожара»⁷.

Надо полагать, картина сгоревших центральных кварталов Рязани, представшая перед очами наследника при проезде на службу в Успенский собор, а затем и при выезде из города, а миновать пожарища, выезжая на Московский тракт, было невозможно, оказалась весьма впечатляющей. Однако мы не находим описаний пепелища ни в официальных хрониках, ни в источниках личного происхождения. Единственное краткое упоминание о пожаре содержится в работе И.И. Проходцова, посвященной истории посещения Рязани наследником: «...эта площадь (совр. Соборная. – Д.Ф.) была пустырем и поросла бурьяном, а улицы Почтовая, Соборная и др. были опустошены пожаром»⁸.

В хрониках визита цесаревича приводятся факты, передающие ту напряженность, что чувствовалась в городе, еще не успевшем оправиться от страшной катастрофы. Так, в ночь с 16 на 17 августа, когда рязанское дворянство давало в честь высокого гостя бал в Рюминой роще, в городе случился еще один пожар: «Вдруг раздались гулко набатные звуки колоколов. В 11 часу ночи над городом показалось зарево. В городе вспыхнул пожар в деревянном доме купеческой жены Рюминой, бывшем на месте нынешнего государственного банка. Пожар мог угрожать большими размерами, так как пожарная команда, по случаю приготовления

большой иллюминации, находилась за городом в Рюминой роще. Но к счастью пожар был скоро усмотрен, и о нем вовремя дано было знать в рощу, откуда тотчас же командированная пожарная команда с самим полицмейстером успела быстро локализовать пожар»⁹. На этот раз быстрые действия пожарной команды позволили избежать новой катастрофы. Ведь пожар в доме купчихи М.Я. Рюминой, расположенном буквально через улицу от недавно горевших кварталов, угрожал той части города, что с большим трудом удалось отстоять от огня 17 июля.

Краткие упоминания о пожаре 1837 г., встречающиеся в источниках и литературе без изложения подробностей или оценки масштабов события, привели к тому, что в целом ряде публикаций, в частности, посвященных истории рязанской архитектуры, он «разгорается» до поистине апокалиптических размеров, уничтожая, на бумаге, почти всю Рязань первой трети XIX в. «Огромный пожар 1837 г., испепеливший значительную часть города, ускориł осуществление перепланировки города. В Рязани полностью исчезли не только старые постройки и здания конца XVII и XVIII вв., но погибло все то, что было выстроено в начале XIX в. Этим объясняется крайне незначительное число зданий XVIII и первой трети XIX столетий, сохранившихся в городе», – читаем в работе М.А. Ильина «Рязань. Историко-архитектурный очерк»¹⁰. Данное необъективное утверждение Михаила Андреевича, основанное, вероятно, на упомянутой публикации о визите наследника, укрепилось в историографии. При этом понимание истинных масштабов пожара и его локализация не были предметом специального рассмотрения, хотя эти вопросы важны для уточнения и понимания отдельных эпизодов градостроительной истории Рязани.

Обратиться к изучению вопроса заставило обнаружение следственного дела о пожаре 1837 г., хранящегося в фонде Рязанского губернского правления в Государственном архиве Рязанской области. Помимо ответа на основные поставленные вопросы, знакомство с этими материалами приоткрыло целый ряд любопытных подробностей повседневной жизни провинциального города первой половины XIX столетия. Пожар, образно говоря, высветил

те детали городской жизни, знакомство с которыми по другим источникам едва ли возможно. Комплекс документов Рязанской городской думы погиб в огне другого пожара, в 1851 г. уничтожившего здание думы вместе с ее архивом и архивами других городских учреждений, располагавшихся там же¹¹. Итак, какова же истинная история пожара 1837 г. и что позволило установить его изучение в плане реконструкции рязанской повседневности?

Обстоятельства пожара

Главным источником сведений о пожаре 1837 г. является «Дело о производстве следствия о пожаре, бывшем в городе Рязани»¹². Уже сам заголовок документа интригует и заставляет задаться вопросом, что же случилось, что потребовало следствия, тянувшегося полгода?

В августе 1837 г. титулярный советник И.Е. Федоровский, владелец большого доходного каменного дома на улице Почтовой, подал в губернское правление прошение, в котором обвинял городскую полицию и лично рязанского полицмейстера в бездействии во время пожара и требовал проведения расследования причин бедствия. Была создана специальная комиссия для проведения расследования. Собранные ею материалы составили документ объемом более 250 листов: записи опросов свидетелей, повальных обысков и очных ставок, показаний очевидцев и пострадавших от пожара.

Подробности и детали городской жизни, упомянутые в деле, представляют безусловный интерес с точки зрения реконструкции рязанской повседневности первой половины XIX столетия. Со страниц документа перед нами предстает небольшой, но очень драматичный эпизод из жизни Рязани конца 1830-х гг. Что же мы узнаем о городе, знакомясь с материалами следственного дела о пожаре?

Фабула сюжета кратко такова: в ночь с 17 на 18 июля 1837 г. около полуночи во дворе усадьбы купца А.Г. Рюмина на улице Соборной загорелась ветхая «калашная изба». Расположенная

в заднем конце усадьбы, «в самом тесном месте»¹³, в окружении многочисленных деревянных построек: сараев, сеновалов, навесов постоянных дворов, – она быстро превратилась в очаг большого пожара, который сначала локализовался только во дворах нескольких соседних усадеб по Соборной и Почтовой улицам.

Потушить огонь своевременно не удалось из-за тесноты двора Рюмина. Об этом в один голос свидетельствовали члены пожарной команды. В то же время часть очевидцев обвиняла в неторопливости и даже в бездействии самих пожарных: «Строение пекарни было непрочное и небольшое, которое при самом начале пожара могло быть раскидано в прилегающие к нему огороды и сады и залито водою...»¹⁴ Другие погорельцы утверждали, что пожарная команда подоспела вовремя, но стремительное распространение огня не позволило справиться с ним в очаге возгорания.

По свидетельству очевидцев, во время пожара был сильный северо-восточный ветер, он дул в сторону Лазаревской церкви¹⁵. Именно он стал еще одной причиной быстрого распространения огня в направлении улиц Почтовой, Мясницкой и Краснорядской. Об этом не раз упоминали в своих показаниях жители сгоревших кварталов. Со слов погорельцев с улицы Краснорядской, искры и головни разлетались от эпицентра пожара на большое расстояние: «был сильный ветер, и кидало головни»¹⁶, отчего на Краснорядской загорелся дом мещанин Кочетыговых, а затем огонь перекинулся на соседние строения.

Пожарная команда была вынуждена бороться с огнем на огромной площади. К тому же подвозить воду приходилось из Екатерининского пруда, Лыбеди и даже Трубежа, довольно удаленных от места пожара.

В результате выгорели три квартала, расположенные по улицам Соборной, Почтовой, Мясницкой и Краснорядской: № 10 (между соврем. улицами Соборной и Почтовой), № 11 (между соврем. Почтовой и Горького), № 14 (ограниченный соврем. улицами Горького, Кудрявцева, Маяковского и Краснорядской). Более всего от огня пострадали южная (соврем. нечетная) сторона улицы Соборной, обе стороны улицы Почтовой, обе стороны улицы

Мясницкой (соврем. Горького) на участке, прилегающем к Хлебной площади, улица Краснорядская.

Границы территории, охваченной огнем, в документах указаны достаточно точно. Удалось установить, что по южной стороне улицы Соборной, где начался пожар, в направлении Кремля огонь был остановлен недалеко от перекрестка с улицей Астраханской, у дома статского советника И.К. Киселева; по северной (четной) стороне улицы Почтовой – у дома купца М.М. Шарова (на месте соврем. дома № 54), по южной стороне Почтовой – на усадьбе Почтового двора (дом № 59). По улице Мясницкой огонь остановили на подступах «к домам г. Серовой и купца Петра Рюмина» – усадьба Серовых располагалась на восточной (четной) стороне улицы (район соврем. дома № 98), дом П. Рюмина – по западной (нечетной) стороне улицы между (соврем. домами № 67 и 71).

Улица Краснорядская сгорела полностью, за исключением некоторых домов на углу с улицей Липецкой (ул. Маяковского). Здесь огонь был остановлен «от двора титулярного советника Попова к двору Ферাপонтова и саду г. Абловой»¹⁷, то есть на западной (четной) стороне современной улицы Маяковского, примерно в районе домов № 74, 76.

Таким образом, даже при своей обширности и катастрофичности пожар не был для города тотальным. Упомянутые в записке Г.Н. Панова 36 домов составляли около 4 % всех существовавших в 1837 г. в городе домов¹⁸. Однако пострадали лучшие кварталы, а общая сумма ущерба, нанесенного пожаром, по заявлениям обывателей, составила более 700 000 рублей.

К счастью местного купечества, удалось отстоять от огня торговые лавки на Хлебной площади, хотя, по свидетельству очевидцев, загорались они не раз, но были спасены¹⁹, причем и каменные корпуса, и деревянные лавочки. Перекинсья пожар на торговые ряды, потери могли быть еще более масштабными.

Изучение истории пожара 1837 г. заставило в очередной раз обратиться к анализу известного рисунка рязанского художника-самоучки М.С. Бровкина, изобразившего пожар в окрестностях Хлебной площади²⁰. Рисунок Бровкина – не просто редкий,

а уникальный, принимая во внимание более чем скудную иконографию Рязани первой половины – середины XIX в. Работа не имеет четкой датировки, поэтому хронологически установить, какой именно пожар показан, невозможно. Вместе с тем, Михаил Степанович был очевидцем событий 1837 г. Кроме того, в это время он уже занимался рисованием и даже готовил план города для поднесения наследнику престола, проезжавшему через Рязань. Все это позволяет думать, что на рисунке именно пожар 1837 г.

Принимая во внимание, какие кварталы были уничтожены огнем, можно предположить, что на заднем плане показаны горящие дома по южной стороне улицы Почтовой, принадлежавшие, в частности, В.Е. Антонову, М.Я. Шапыриной, И.А. Иванову, а торговые корпуса – это поперечные корпуса лавок, стоявшие вдоль проезда с улицы Соборной на Мясницкую.

Для подобного предположения есть и ряд косвенных оснований. Рисунок происходит из собрания Антоновых. Их дом, располагавшийся на углу улицы Почтовой и Мясницкого проезда, один из самых больших на улице, сгорел во время пожара, принеся огромные убытки владельцам, многочисленным арендаторам и постояльцам. Вполне вероятно, что изображение печально памятного события хранилось в семейном собрании.

Другим косвенным основанием является показанное на рисунке направление ветра. Как мы уже знаем, тогда дул сильный северо-восточный ветер. Если согласиться, что на рисунке изображена южная сторона улицы Почтовой, то выбранный ракурс показывает ветер именно этого направления – в сторону улицы Краснорядской и, как отмечалось в документах, «к Лазаревской церкви».

В пользу данного предположения говорит и показанный на рисунке ряд застройки, при всей его условности В 1830-х гг. такой плотный ряд застройки сложился именно на южной стороне улицы Почтовой, где дома Антонова, Шапыриной, Иванова уже тогда составляли практически единый фасад.

Однако в том, что перед нами пожар 1837 г., заставляет усомниться анализ застройки Хлебной площади, куда во время бед-

ствия были вывезены спасенные из горящих домов вещи и где спасались жители горевших кварталов. Они, к слову, тоже изображены художником.

Если принять, что на рисунке пожар улицы Почтовой, то выбранный ракурс взят с северо-западного угла Хлебной площади: на переднем плане слева – ротонда корпуса лавок, расположенного вдоль улицы Горшечной (соврем. Кольцова), а поперечные корпуса на заднем плане – это те, что стояли по границе площади от улицы Соборной к Мясницкой.

Правда, возникает ряд противоречий. При планировке площади поперечные торговые корпуса были поставлены в соответствии с шириной улиц: западные – широко при въезде на площадь с улицы Московской, а восточные – теснее на выезде на более узкую Почтовую.

При этом поперечные корпуса, стоявшие по восточной границе площади, заканчивались ротондами на внешних торцах и не имели портиков со стороны проезда на Почтовую. Сооружение портиков сузило бы проезд между корпусами, поставленными довольно близко друг к другу. Поперечные корпуса по западной границе площади были поставлены широко относительно друг друга, что позволило оформить их портиками со стороны проезда. Вместе с тем, внешние торцы этих корпусов не имели ротонд, так как выходили к тесным перекресткам. Вследствие такой планировки торговых рядов, восточные корпуса (со стороны Почтовой) были длиннее западных. Ротонды на западных торцах длинных северного и южного корпусов появились только в 1860-х гг., о чем свидетельствуют сохранившиеся графические материалы²¹.

Таким образом, вид Хлебной площади, показанный на рисунке Бровкина, в то время был возможен только с ее юго-восточного угла – от выезда на улицу Мясницкую (соврем. Горького), а значит, художник показал пожар на северной стороне улицы Московской.

Известно, что по улице Московской, в квартале, вероятно, изображенном на рисунке, у купцов Антоновых также имелся дом. Более того, в биографии рязанского купца, поэта и баснописца

А.В. Антонова (1825–1893) упоминается пожар, уничтоживший его ранние произведения, написанные до 1850 г.²² Судя по тому, что в 1837 г. Александру Васильевичу было всего 12 лет, пожар на Почтовой не мог уничтожить его ранние произведения. Это должно было случиться позднее – в 1840-х гг. Соответствующий факт мы обнаруживаем в «Хронологических указателях замечательных событий в Рязани и Рязанской губернии»: пожар, в котором пострадал дом Антоновых на улице Московской, случился 23 мая 1849 г.²³ С ним же, очевидно, связано пожертвование городским головой В.Е. Антоновым латунных касок рязанской пожарной команде в 1849 г.²⁴ Приведенные аргументы вполне уверенно позволяют утверждать, что именно пожар 1849 г. изображен на рисунке Бровкина.

Улицы, дома и люди

Дело о пожаре имеет особое значение для реконструкции облика упомянутых кварталов в конце 1830-х гг. В градостроительной истории Рязани период с конца 1820-х до 1850-х гг. является фактически белым пятном, что объясняется плохой сохранностью документов, отражающих процесс частновладельческой застройки. Как уже отмечалось, архив Рязанской городской думы конца XVIII – первой половины XIX в. погиб во время пожара, уничтожившего в 1851 г. здание думы. В архивном фонде Рязанской строительной и дорожной комиссии документы о частном строительстве представлены единично. Таким образом, дело о пожаре 1837 г. является едва ли не единственным источником, позволяющим пусть в самых общих чертах, но в комплексе воссоздать характер застройки указанной части города.

Свидетельские показания владельцев домов, содержавшие указания на местоположение, этажность и материал, из которого выстроен дом, а также указание порядковых номеров владений по внутриквартальной нумерации позволяют реконструировать ряд застройки и установить домовладельцев пострадавших кварталов.

Анализ документов дела показывает, что на улицах, примыкающих к торговой площади, уже в середине 1830-х гг. активно формировалась каменная застройка, хотя частновладельческих каменных строений в городе на тот момент было очень мало. В 1837 г. в Рязани насчитывался 1051 частный дом, из них только 82 являлись каменными²⁵. При этом именно в кварталах, окружавших Хлебную площадь, располагалось наибольшее число каменных построек.

Внешний облик домов, их конструкцию, детали архитектурного декора по имеющимся сведениям реконструировать невозможно, хотя, при отсутствии графических источников, это было бы крайне интересно. Ценно то, что приводимые пострадавшими владельцами характеристики домов все-таки позволяют составить общее представление об облике улиц.

Большинство упомянутых домов было двухэтажными. Во многих как каменных, так и деревянных строениях упоминаются характерные для того времени антресоли и мезонины. Последние, к слову, хорошо видны на рисунке М.С. Бровкина. Даже сохранившиеся до наших дней дома имели иной вид, присущий моде того времени, а архитектурный облик улиц в целом был выдержан в духе образцовых фасадов, рекомендованных для застройки городов альбомами 1809–1812 гг.²⁶

При этом даже там, где уже формировалась плотная каменная застройка, она представляла собой не ряд зданий одной высоты, составляющих по улице «сплошную фасаду» – эта композиция застройки центральных улиц Рязани сложилась только во второй половине XIX в., – а ряд разновеликих строений, прерываемых небольшими деревянными домами, лавками, заборами и т.д. Именно так, судя по документам дела о пожаре, выглядели улицы Соборная, Почтовая и Краснорядская.

Кварталы, окружавшие Хлебную площадь, изначально проектировались так, чтобы дать возможность большему числу торговцев получить место на улице, примыкающей к торговой площади, и разместить торговые заведения и прочие объекты деловой инфраструктуры. Все усадьбы были плотно застроены.

За просторными или небольшими домами, стоявшими по красным линиям улиц, в большей части владений в глубь квартала тянулись узкие, довольно тесные дворы с бесконечными заборами, сараями, навесами, складами, флигелями, постоянными дворами, банями, пекарнями и прочими хозяйственными постройками и промысловыми заведениями. Зады усадеб, выходившие в глубину квартала, были заняты огородами или небольшими садами. Их наличие не решало проблемы стесненности застройки. Нередко пожароопасные строения на усадьбах становились причиной конфликта соседей.

Так, мещанин К.А. Евдокимов, владевший домом на Почтовой, поссорился с мещанином Н.С. Поповым, чья смежная усадьба располагалась по улице Соборной. По мнению Евдокимова, его постройкам представляла опасность баня Попова, расположенная в саду близко к службам Евдокимова. На это Попов заметил, что большей опасностью грозит расположенная так же близко калачная изба во дворе А.Г. Рюмина и «прежде надо сломать калашню, тогда он и баню ломает»²⁷. В итоге именно по этим деревянным постройкам огонь и распространился от очага пожара, охватив огромную территорию.

По мере удаления от Хлебной площади характер застройки несколько менялся: здесь находились лишенные коммерческого назначения в полном смысле жилые усадьбы, но подобные владения в этой части города все же были редкостью. В числе таких редких примеров – усадьба статского советника И.В. Киселева по улице Соборной, располагавшаяся ближе к перекрестку с ул. Астраханской²⁸. В свидетельских показаниях не раз упоминается большой сад Киселева: во время пожара в нем были разломаны ограда и беседка, и благодаря этим действиям пожарных и наличию самого сада, освобожденного от лишней застройки, удалось остановить движение огня в направлении улицы Астраханской.

В 11 квартале в районе Мясницкого моста через Лыбедь, вдоль берега располагалась обширная усадьба дворян Серовых²⁹. Просторные дворянские владения – усадьбы титулярной советницы Акулины Федоровны Абловой³⁰ и статской советницы Марьи

Павловны Недригайловой, жены инспектора врачебной управы Михаила Архиповича Недригайлова,³¹ находились в 14 квартале в районе пересечения улиц Малой Мещанской (соврем. ул. Кудрявцева) и Липецкой (соврем. ул. Маяковского). Во время пожара были разобраны бани и беседки в садах этих владельцев.

Учитывая, что в рамках настоящей публикации сложно полностью обозреть все кварталы, пострадавшие от огня, обратимся к улице Почтовой – одной из основных деловых улиц Рязани XIX в.

Со стороны Хлебной площади въезд на Почтовую открывался через поперечные торговые корпуса, стоявшие по границе площади. Части 10 и 11 кварталов, выходившие в Соборный и Мясницкий проезды, к середине 1830-х гг. уже полностью были застроены каменными домами.

По красной линии 10 квартала стояли три каменных дома. Владение на углу улицы Соборной занимал дом П.Л. Мальшина, построенный в 1790-х гг. В 1830-х гг. он перешел к его вдове Елене Акимовне (урожд. Фирсовой). По соседству «против каменных лавок» в средней части Соборного проезда стоял двухэтажный каменный дом с лавками в первом этаже и погребями рязанского городского головы Ивана Ивановича Овсянникова – торговца виноградными винами и овощным товаром³². В середине XIX в. Овсянников купил смежное владение Мальшиных, став одним из самых крупных домовладельцев в данном квартале. Угол Соборного проезда и улицы Почтовой занимал двухэтажный каменный дом с лавками рязанских купцов братьев Ивана и Павла Яковлевичей Рубцовых с лавками в первом этаже³³. В соседнем квартале № 11 на площадь выходил узкий участок, застроенный огромным каменным домом старшего бургомистра рязанского магистрата купца Василия Егоровича Антонова³⁴.

Улица Почтовая, сегодня представляющая в сохранившейся исторической части два ряда сплошных двух- и трехэтажных фасадов, в 1820–1830-х гг. выглядела совершенно иначе. По ее северной стороне насчитывалось девять усадеб. В 1837 г. их владельцами являлись купцы братья И.Я. и П.Я. Рубцовы, Н.Ф. Рюмин, мещане М.М. Сливков, К.А. Евдокимов, титулярный советник

И.Е. Федоровский, купец И.Л. Цветнов, капитан А.Ф. Савостьянов, купцы М.М. Шаров и И.И. Рюмин.

До начала 1820-х гг. по северной стороне улицы каменные дома были только на угловых владениях: упомянутый дом Рубцовых и дом И.И. Рюмина на углу Почтовой и Астраханской. Об этом свидетельствует план города 1818 г.³⁵ Одним из первых на рубеже 1810–1820-х гг. был выстроен каменный дом купца Андрея Николаевича Хлуденева (позже И.Е. Федоровского, соврем. № 68 левая часть)³⁶. К 1837 г. возвели каменные дома Федор Николаевич Рюмин, Матвей Маркович Сливков³⁷.

Судя по кратким описаниям, каменные дома были двух типов: «с лавками» (Рубцовы, Рюмин) и «с мезонином» (Сливков), во втором случае торговля размещалась в отдельно построенных лавках. На усадьбе Ф.Н. Рюмина кроме каменного дома стоял еще и деревянный с мезонином. Деревянными были дома мещанина Кузьмы Андреевича Евдокимова и купца Ивана Ларионовича Цветнова³⁸.

В средней части улицы, напротив почтовой конторы, возвышался над соседними «двухэтажный каменный с мезонином» дом И.Е. Федоровского³⁹. Он был самым большим на этой стороне улицы, не считая трехэтажного дома И.И. Рюмина на углу Почтовой и Астраханской. Федоровский купил дом с торгов не позднее 1836 г. Прежний владелец купец А.Н. Хлуденев с 1828 г. несколько лет безуспешно пытался отстоять свою недвижимость в долговом споре с кредитором купцом Ануфрием Ивановичем Курганским. После смерти Хлуденева история закончилась продажей дома с торгов в середине 1830-х гг.⁴⁰

Соседняя усадьба (соврем. № 56, 58 правая часть) в 1837 г. принадлежала купцам Цветновым, которые приобрели ее в середине 1830-х гг. у прежних владельцев купцов Казиных. После опустошительного пожара 1807 г. губернским архитектором Н.П. Милуновым был составлен проект двухэтажного каменного дома Казиных с подъездом и лавками (соврем. № 58 правая часть). Однако тогда выстроили только первый каменный этаж, второй оставался деревянным. Каменным его сделали, вероятно, после 1837 г., уже при Цветновых.

В середине 1820-х гг. усадьба Казиных была раздроблена. Часть (соврем. № 56) досталась в качестве приданого зятю купчихи Е.Ф. Казиной⁴¹ штабс-капитану А.Ф. Савостьянову. Рядом с его владением на изломе улицы располагалась усадьба М.М. Шарова (соврем. № 54). Обе усадьбы были застроены двухэтажными домами с каменным первым этажом и деревянным вторым, или «полукаменными», как именуются подобные постройки в документах. Именно на этом участке остановили распространение пожара в направлении улицы Астраханской. Дома Савостьянова и Шарова были разломаны, чтобы не допустить огонь на усадьбу И.И. Рюмина с огромным каменным домом и на противоположную сторону улицы.

По свидетельству Шарова, «дом его деревянный и полпивную лавочку сломали обыватели и воинская команда, через что тут же выстроенный им недавно каменный флигель с деревянным вторым этажом был спасен, равно спасены были и прочие его деревянные лавочки к каменному дому купца Ивана Иванова Рюмина примыкающие, так что ежели бы все сии его строения занялись, то пожар мог далеко распространиться, ибо и против онаго были деревянные дома»⁴².

Застройка южной стороны улицы Почтовой носила несколько иной характер. В отличие от северной, где располагались только частновладельческие усадьбы, здесь в средней части улицы находилась обширная усадьба Почтового двора с большим числом каменных и деревянных строений. От Хлебной площади до Почтового двора улица была плотно застроена каменными домами В.Е. Антонова, М.Я. Шапыриной, И.А. Иванова.

Первым в этом ряду был упомянутый дом В.Е. Антонова (не сохранился). Каменное строение на угловом участке квартала появилось в самом начале 1800-х гг. и принадлежало тогда мещанину Григорию Истомину. Позже усадьба перешла к Осипу Ивановичу Крутицкому – одному из богатейших рязанских торговцев и подрядчиков первой трети XIX в. В начале 1810-х гг. Крутицкий перестроил дом, возведя «во весь двор» двухэтажный корпус, «а под оным лавки»⁴³.

К Антонову дом перешел на рубеже 1820–1830-х гг. от наследников Крутицкого⁴⁴. Изображений его первоначального облика не сохранилось. Внешний вид, который дом имел во второй половине XIX – середине XX в., – с портиком из четырех витых колонн, обращенным в сторону площади, – он получил, вероятно, во время ремонта после пожара 1837 г.

Весь первый этаж дома Антонова занимали 11 лавок, составляя целый торговый ряд по Мясницкому проезду и улице Почтовой. Продолжали его лавки под домами купчихи М.Я. Шапыриной (соврем. № 63) и титулярного советника И.А. Иванова (соврем. № 61).

«Обширный дом титулярного советника Иванова»⁴⁵, в то время один из самых больших на улице, да, пожалуй, и в городе, был примером чиновничьего доходного владения. Иван Алексеевич Иванов служил рязанским уездным казначеем⁴⁶.

Возведение первого каменного дома на этом участке относится к середине 1800-х гг. Его владельцами были купеческая вдова Настасья Федорова с детьми Иваном и Алексеем Михайловичами Митрофановыми. В 1810 г. двухэтажный каменный дом Митрофановых «близ почтового двора» был описан и, вероятно, продан с торгов⁴⁷. До начала 1820-х гг. владение, на котором стояли «два дома рядом, постоялый двор и большая под домом лавка»⁴⁸, принадлежало поручику в отставке Петру Федоровичу Иванчину – владельцу большой старинной усадьбы в с. Баграмово Рязанского уезда. По неустановленным причинам, около 1820 г. он продал свое упомянутое городское имение.

Новой хозяйкой стала Анна Степановна Иванова – жена Ивана Алексеевича. Уже в апреле 1822 г. она получила разрешение на возведение каменного дома на двух смежных владениях № 6 и 7 в 11 квартале Московской части. Однако вскоре А.С. Иванова скончалась, и дом перешел к Ивану Алексеевичу. В реестре каменных домов по г. Рязани за 1822–1823 гг. значится, что дом Иванова еще «не отстроен». Не позднее 1826 г. строительство завершилось, и дом сдавался в аренду, служа источником постоянного хорошего дохода⁴⁹.

К владению Иванова примыкала усадьба Почтового двора. Во время пожара огонь с дома Иванова перекинулся на почтовую контору. «Сгорел каменный почтальонский флигель, в одной связи небольшой чулан, где хранился архив, сарай и конюшня, анбар, нынешнею весною перестроенный, и деревянный флигель, при нем кладовая с погребом со всем хранящимся запасным хлебом, съестными продуктами и посудю деревянною, принадлежащим управляющему конторою»⁵⁰. Но главное здание конторы удалось отстоять.

Сразу после Почтового двора, по неудобью оврага, в то время проходившего по нынешней улице Мюнстерской, располагалась усадьба купца Ивана Курганского с двухэтажным каменным домом (часть соврем. № 57), построенным в 1834 г.⁵¹

Дом стал причиной многолетней тяжбы, возникшей между Курганскими и почтовым ведомством. Руководство Рязанской почтовой конторы утверждало, что дом Курганских построен с нарушением правил, отчего на крышу флигеля почтового двора стекает вода с крыши дома, причиняя вред казенному строению. Разбирательство тянулось с 1835 до конца 1830-х гг. В результате претензии почтовой конторы были признаны необоснованными⁵².

Часть 11 квартала, расположенная между усадьбой Курганского и улицей Астраханской, была застроена преимущественно деревянными домами. То, что огонь туда не распространился, являлось большой удачей, поскольку существовала угроза перехода пожара на правый берег Лыбеди.

Деловой характер городской среды, сформировавшейся вокруг Хлебной площади, определял функциональное назначение расположенных здесь владений и диктовал домовладельцам свои правила. Дома и надворные постройки, большей частью, сдавались внаем. Домовладельцы при этом либо имели собственное жилье в более спокойных городских кварталах, либо снимали его, что экономически оказывалось более выгодным: сдача торговых и жилых помещений в аренду приносила хороший доход.

Особенность застройки определялась не столько социальным статусом владельца усадьбы, сколько местом расположения вбли-

зи торговой площади. Именно поэтому здесь рядом с купеческими дворами находились крупные доходные дома, принадлежавшие представителям иных сословий. Так, в числе самых дорогих по улице Почтовой были дома чиновников И.Е. Федоровского, И.А. Иванова, на Краснорядской – трехэтажный доходный дом титулярного советника Н.А. Попова. Их первыми владельцами и строителями были, как правило, купцы. Со временем, по разным причинам и обстоятельствам, они оказывались несостоятельными и недвижимость продавалась с торгов, переходя в руки предприимчивых выходцев из разночинцев, реже – представителей дворянских фамилий.

Упомянутые усадьбы по насыщенности коммерческими заведениями не только не уступали многим крупным купеческим владениям, но порой и превосходили их по стоимости и доходности. Например, в доме титулярного советника А.И. Иванова, который полностью отдавался внаем, располагались два ренсковых погреба, в которых торговали рязанский купец А. Зубков и коломенский В. Шершавин⁵³, несколько «красных лавок», предназначенных для торговли мануфактурным товаром. Второй этаж занимала гостиница, а в усадьбе в особых помещениях размещался постоялый двор, который содержал отставной солдат Пахом Прохоров⁵⁴.

Как следует из материалов дела, большие доходные дома могли сдаваться одному нанимателю полностью, а он, в свою очередь, передавал помещения в субаренду. Так, дом Федоровского в 1837 г. содержал мещанин Кузьма Михайлов. У него арендовали помещения и квартировали «башмачник Филимон Кузьмин», «гребенник Зиновий», почтальон Иван Иванов Попов, «скорняк Константин», портной Яков Козловский, цирюльник Сергей Степанов Быков, «золотых дел мастер Андрей Лавернье», «хлебник Евдоким». Кроме того, в доме Федоровского имелись постоялый двор и «номера» для проезжающих, в момент пожара полностью заселенные⁵⁵.

В числе проживавших в доме упомянут «живописец Тимофей Егоров». Вполне возможно, что речь идет о московском художни-

ке, известном в свое время портретисте и иконописце Тимофее Егоровиче Мягкове (1811–1865). Из его биографии известно, что в 1820–1850-х гг. он не раз работал в разных местах Рязанской губернии, расписывая храмы и выполняя портреты частных заказчиков из местных помещиков. В 1836 г. Мягков писал портрет рязанского губернатора С.В. Перфильева⁵⁶. Учитывая довольно тесные связи художника с Рязанским краем, можно предположить, что какое-то время он жил в Рязани и был именно тем самым «живописцем», квартировавшем в доме Федоровского летом 1837 г.

Деловая стихия: торговля, промыслы, ремесла

Следственное дело о пожаре дает нам богатейший материал, иллюстрирующий деловую жизнь центральных кварталов Рязани первой половины XIX в. В показаниях погорельцев содержатся многочисленные упоминания о том, какого рода торговые, ремесленные и промысловые заведения располагались в сгоревших домах. Это позволяет отчасти передать атмосферу городских улиц. Хотя воссоздать картину торговой жизни в деталях довольно сложно: она не была статичной, характер заведений, их владельцы, содержатели и место расположения часто менялись. Вместе с делом о пожаре реконструировать ее помогают сохранившиеся реестры торговых и промысловых заведений города за 1828 и 1837 гг. В документах, появившихся с разницей в десять лет, нередко фигурируют одни и те же имена рязанских купцов, мещан или разные поколения одних и тех же фамилий. Попробуем обозначить некоторые любопытные детали деловой жизни окрестностей Хлебной площади.

Большая часть торговых и промысловых заведений на улице Соборной располагалась в больших купеческих домах Е.А. Рюминой (соврем. № 52.), Е.А. Мальшиной (не сохранился, находился на месте соврем. № 23) и в стоявших несколько дальше от площади каменных домах купцов П.М. Филатова (соврем. № 46) и А.Г. Рюмина (соврем. № 17). Продвижение торговой стихии

в направлении перекрестка с улицей Астраханской и далее произошло позднее, в середине – второй половине XIX в. А пока, в 1820–1830-х гг., в доме Е.А. Рюминой работали два трактира (в разные годы их содержали купцы И.И. Овсянников и братья Аникей и Ефим Палагины)⁵⁷, ренсковый погреб. Кроме того, здесь располагались две рыбные лавки А. Палагина и П. Рюмина⁵⁸.

На противоположной стороне улицы Соборной в доме купчихи Е.А. Мальшиной содержал рыбную торговлю Ефим Палагин⁵⁹. Рыбная лавка в угловой части дома Мальшиной, возможно, специально оборудованная, работала и в начале XX в., когда дом принадлежал купцам Морозовым. Владельцами ее, судя по видовым открыткам Рязани, в разные годы были купцы Расторгуев и Исаев. В другой лавке под домом Мальшиной мещанин Петр Антонов Маликов торговал железным и ременным товаром⁶⁰. Во флигеле этой же усадьбы в конце 1820-х – середине 1830-х гг. располагались трактир (в разное время его содержали купцы А.Г. Рюмин и И. Коробов), харчевня и ренсковый погреб⁶¹.

Ренсковые погреба – заведения, торгующие винами на вынос, были довольно распространены в окрестностях Хлебной площади. В 1828 г. их насчитывалось 14, большинство из которых находилось на улице Почтовой. Здесь же, на Почтовой, было не менее пяти портбных лавочек – пивных заведений⁶².

В доме Филатова располагалась харчевня, позднее «ресторация», лавка, торговавшая мелочным товаром, солью и льном. Традиционные купеческие лавки, для которых было характерно смешение разных видов товаров, в то время еще господствовали в торговой сфере. Занимавшие первые этажи больших каменных домов или поставленные обособленно, они были особым миром со своим укладом. Где-то они группировались по ассортиментному принципу, наподобие специализированных торговых рядов, как, например, «красные лавки» под домом И.А. Иванова, предназначенные для мануфактурного товара. С конца 1820-х гг. их арендовали рязанский мещанин И.М. Барсуков – зять Иванова, купцы Н.Г. Истомина и В.А. Мартынов⁶³.

Чаще, особенно в домах с большим числом торговых помещений, царила товарная пестрота. Так, 11 лавок под домом Антонова на Почтовой были заняты самыми разными товарами: мещане Михаил Иванов Каширин и Глеб Дмитриев торговали юфтью⁶⁴, рядом «разными винами и овощами и москательными товарами, чаем и сахаром» торговал купец Василий Осипович Крутицкий – один из бывших владельцев дома⁶⁵; крестьянин помещицы Новосильцевой из Серпуховского уезда Денис Семенов снимал помещения «для печения французских хлебов»⁶⁶, тут же работали сапожная мастерская и трактир.

В 1830-х гг. на рязанских улицах начали появляться первые магазины – заведения новой, передовой формы организации розничной торговли. От патриархальных лавок они отличались не только более узкой торговой специализацией, но и организацией самой торговли, начиная от респектабельного оформления помещений и заканчивая штатом подготовленного персонала. Одним из первых заведений новой формации был магазин купца-татарина Рахматуллы Юнусова, торговавший шальями в доме П.М. Филатова на улице Соборной⁶⁷. Подобные заведения в то время редко встречались. Возможно, близкими к ним по организации торговли были лавки мещан В.С. Степанова и Н.А. Рубцова для торговли фарфором, хрусталем и стеклом на улице Краснорядской⁶⁸, а также лавка стеклянных товаров в доме купеческих детей Василия, Афанасия и Якова Афанасьевичей (Пронских – ?), владевших собственным стекольно-шлифовальным заводом⁶⁹.

В окрестностях Хлебной площади находилось довольно много заведений, предлагавших различную выпечку и хлебную продукцию. Это были хлебопекарни и калачни, пекарни французских булок и кренделей, пряничные и пирожные. Разница в названиях предполагала не только различие ассортимента продукции, но и разное налогообложение.

Самая крупная пекарня размещалась в доме В.И. Мальшина на Соборной⁷⁰. Заведение содержал купец Ф.С. Батраков. У него работало 12 человек. Ассортимент, видимо, состоял из русских хлебов и калачей. Традиционными заведениями были также «пря-

ничные» (в доме мещанина Ивана Анциферова на ул. Соборной) и «пирожные» или «пирожни», где пеклись пироги. Они упоминаются при домах купцов С.И. Печатина на улице Московской и А.Г. Рюмина. Содержали их, как правило, помещичьи крестьяне, отпущенные на оброк. Любопытно, что название «пирожня» или «пирожная» со временем обрело новый смысл. На смену изначальному значению слова – пекарня, где пекли традиционные русские пироги, приходило обозначение места приготовления кондитерских изделий – пирожных, входивших в русский рацион⁷¹. Но в данном случае, судя по стоимости аренды заведений и невысокой оплате труда работников, можно заключить, что речь все же идет о традиционных пирогах. Первое выявленное упоминание именно «кондитерской» в Рязани относится к 1837 г. В доме Н.И. Варварина на Почтовой ее содержал спасский купец Т. Мелешкин⁷². Однако никаких подробностей о ней не известно.

Наиболее «модными» из хлебных заведений были «хлебни французские». Таковых в окрестностях Хлебной площади насчитывалось четыре, и все на улице Почтовой. Пекарни в домах купчихи Шапыриной и наследников купца Осипа Крутицкого (позже В.Е. Антонова) содержали рязанский мещанин П. Бирюков и экономический крестьянин из Ярославской губернии Николай Захаров. В доме Е.И. Казиной в 1820-х–1830-х гг. работала пекарня мещанина Ивана Симонова⁷³. Четвертую пекарню французских булок и кренделей при доме купца И.И. Рюмина (соврем. № 50/57, позднее Дворянское собрание) содержал «иностранец берлинский подданный Иван Федорович Галфтер»⁷⁴. Это были одни из самых дорогих заведений по стоимости аренды.

В окрестностях Хлебной площади размещалось большое число заведений, которые в современной терминологии могут быть отнесены к сфере обслуживания. На Почтовой и Краснорядской работали несколько цирюлен. В конце 1820-х гг. их упоминается пять. Цеховой Николай Сергеевич Лебедев содержал цирюльню в доме Н.А. Хлуденева⁷⁵. В доме Крутицкого размещались две цирюльни цеховых отца и сына Бугровых. При этом Антон Бугров

числился рязанским цеховым, а его сын Андрей – московским. На улице Краснорядской в доме Ульяна Косова работала цирюльница цехового Матвея Соколова, а в доме титулярного советника Ферапонтова – цехового Тимофея Лебедева⁷⁶. Родственные связи Николая и Тимофея Лебедевых не установлены, но можно предположить их родство, а также, возможно, они являлись родственниками рязанского цехового цирюльника Александра Петровича Лебедева, чье заведение еще в начале 1800-х гг. располагалось на улице Николодворянской⁷⁷.

В конце 1820-х гг. в окрестностях торговой площади находилось 14 портновских заведений; из них только два дамских, остальные мужские. Значительное число мужских портных можно объяснить спросом на шитье форменных мундиров для многочисленного чиновничества и военных. Большую часть заведений содержали дворовые люди и отпущенные на волю крестьяне рязанских помещиков, они же, в основном, составляли штат работников и учеников. Три заведения принадлежали рязанским цеховым Семену Михайлову, Федору Крылову и Филиппу Васильеву, два содержали мещане Алексей Масленников и Степан Филиппович Калганов. Самое дорогое принадлежало дамскому портному Никите Ажурову – дворовому человеку генерал-губернатора А.Д. Балашова. Оно находилось в доме И.И. Рюмина, где в 1820–1828 гг. располагалась резиденция Балашова⁷⁸. На улице Почтовой работали две шляпные лавки: купцов Крутицких в собственном доме и рязанского купца Петра Рюмина в доме Рубцовых⁷⁹.

Сведений о числе подобных заведений в 1837 г. в нашем распоряжении нет, однако известно, что в это время в городе имелось несколько магазинов галантерейных товаров. Два из них располагались на Почтовой: мещанина В. Гаврилова в доме купца И.А. Курганского и спасского купца Т. Мелешкина в доме Варварина⁸⁰, три – на улице Астраханской. Здесь в доме Князевых (на месте сквера в районе соврем. № 43, 45) «мастерство дамских уборов» содержала мещанка Матрена Болотова. На другой стороне улицы торговлю «дамскими уборами и разными галан-

терейными товарами» вели заведения Е. Фролова в доме купца Г. Грамзина (соврем. № 32) и купца В. Соловьева в доме княгини Е.А. Волконской (соврем. № 38)⁸¹.

Традиционно многочисленными были сапожные мастерские. В конце 1820-х гг. по улицам Почтовой и Краснорядской их насчитывалось 11, особо отмечены два «башмачных дел мастера»: цеховые Александр Платонов и Иван Гаврилович Соколов⁸². Самая крупная сапожная мастерская московского цехового Ильи Кузьмича Курбатова располагалась в доме Крутицкого, она насчитывала 17 работников⁸³. Заведение Курбатова функционировало, по крайней мере, до начала 1850-х гг., располагаясь в том же доме⁸⁴. В 1850 г. на выставке, организованной в Рязани губернской палатой государственных имуществ, И.К. Курбатов был удостоен похвального листа за представленные «сапоги опойковой работы»⁸⁵.

В 1820–1830-х гг. на Почтовой действовало несколько ювелирных мастерских. Одна из них на протяжении не менее десяти лет принадлежала семейству Лавернье. Братья Андрей и Устин Петровичи Лавернье – «саратовские колонисты из немцев» – появились в Рязани в конце 1820-х гг. В 1828 г. мастерская «золотых дел мастера» А.П. Лавренье располагалась в доме Н.А. Хлуденева (позже Федоровского)⁸⁶. Устин Петрович содержал крупную столярную мастерскую в доме Крутицкого на Почтовой. У него работали два мастера и восемь учеников, все из числа дворовых рязанских помещиков⁸⁷.

По соседству с мастерской А.П. Лавренье, в доме Казиных (позже Цветновых) в конце 1820-х гг. работал Иван Николаевич Завьялов – мастер золотых и серебряных дел из отпущенных на волю крестьян помещицы Несвицкой⁸⁸.

В 1837 г. на улице Почтовой по-прежнему существовали две ювелирные мастерские. Обе они были связаны с фамилией Лавернье. Сам Андрей Петрович умер, вероятно, в 1829 г., оставив жену и четырех сыновей. Вдова Екатерина Ивановна Лавернье с малолетними детьми: Андреем 11 лет, Дмитрием 9, Николаем 6 и Александром 3 лет, проживавшая по-прежнему в доме Хлуденева, значится в исповедных книгах Ильинской церкви за 1829 г.⁸⁹

В 1837 г. в числе пострадавших от пожара квартирантов дома И.Е. Федоровского упоминался «золотых дел мастер Андрей Лавернье», видимо Андрей Андреевич, а также владелица ювелирной мастерской рязанская цеховая Катерина Иванова Быкова⁹⁰. Возможно, к этому времени Екатерина Ивановна вышла замуж вторично, предположительно за рязанского цехового цирюльника Сергея Степановича Быкова, проживавшего в том же доме. При этом она с сыном продолжала держать ювелирное дело. В соседнем доме Сливкова занимался «золотым, серебряным и бриллиантовым мастерством» мещанин Иван Григорьевич Панов – бывший ученик мастерской А.П. Лавернье⁹¹.

В 1820-х–1830-х гг. в городе было не менее трех часовых мастерских, все они располагались на Почтовой. Вероятно, старейшая из них принадлежала московскому мещанину Владимиру Даниловичу Топоркову. Она известна с 1819 г. Братья Владимир и Григорий Даниловичи Топорковы проживали в доме купчихи Марьи Яковлевны Рюминой (не сохранился, на месте соврем. ул. Ленина, 44). Здесь же в 1820-х гг. работала и мастерская, в которой было два ученика из числа дворовых⁹². По исповедной ведомости Ильинской церкви 1829 г. у Топорковых числятся «служители», в том числе, возможно, и работники мастерской, среди них «голштинской нации греко-российского исповедания Николай Иванов»⁹³.

Часы работы Топоркова продавались не только в Рязанской губернии, но и в Москве. В 1837 г. на выставке, устроенной в Рязани к приезду наследника цесаревича Александра Николаевича, «обращали на себя общее внимание часы Топоркова: стенные, с числами, секундами и боем, столовые, горизонтальные и прорезные, ценою от 160 до 325 рублей ас[сигнациями]»⁹⁴. Семейная фирма Топорковых существовала в Рязани и в начале XX в.: в 1906 г. торговлю часами вел купец второй гильдии Дмитрий Кириллович Топорков⁹⁵.

Уже в середине 1820-х гг. через улицу от мастерской Топоркова, в доме Акима Орлова (не сохранился) у Большого каменного моста работал часовых дел мастер «иностранец Иван Парсиан»,

а в доме дьячка Мирона Иванова (не сохранился) на углу Почтовой и Астраханской – часовой мастер архиерейский служитель Иван Пономарев⁹⁶. В последующие годы мастерские Парсиана и Пономарева не упоминаются.

В 1830-х гг. в Рязани наряду с заведением В.Д. Топоркова работала часовая мастерская мещанина Константина Дмитриевича Сгибнева. В 1850 г. оба мастера представляли свои часы на уже упоминавшейся сельскохозяйственной выставке в Рязани⁹⁷. Их изделия, хотя и не попадали под тематику выставки, но были приняты для показа, так как по оценке устроителей, являлись «по своей полезности весьма значительны». Более того, К.Д. Сгибнев удостоился похвального листа оргкомитета выставки⁹⁸.

В 1867 г. настенные часы работы Сгибнева были выставлены в Русском отделе Всемирной выставки в Париже, а в 1872 г. экспонировались в отделе прикладной физики на политехнической выставке в Москве. Часы имели годовой завод, помимо времени показывали также дни, числа каждого дня, месяцы и фазы Луны⁹⁹.

Где располагалась мастерская К.Д. Сгибнева в первой половине XIX в., пока установить не удалось. Однако известно, что в 1860–1870-х гг. он владел домом на улице Почтовой (соврем. № 56), ранее принадлежавшим Савостьяновым, где, видимо, и располагалось его заведение. В 1880-х гг. дом перешел к семейству купцов Материкиных, возможно, как приданое или наследство А.К. Материкиной. В 1890-х гг. зять К.Д. Сгибнева рязанский купец С.И. Материкин содержал в доме на Почтовой магазин часов, золотых, серебряных и бриллиантовых изделий¹⁰⁰.

Помимо нескончаемых лавок, магазинов и мастерских, в ближайших окрестностях Хлебной площади располагалось множество постоянных дворов, трактиров, комнат и номеров для приезжих и сопутствующие им заведения общественного питания: харчевни и рестораны. Все они имели различия, закрепленные законодательно. В зависимости от ранга, их содержатели могли предлагать приезжающим ночлег и стол с продажей спиртных напитков или без или только стол.

В 1820–1830-х гг. в окружающих площадь кварталах находилось от 30 до 50 постоянных дворов, рассчитанных на довольно простую публику¹⁰¹. Располагались они едва ли не в каждом дворе. Так, только на Почтовой, постоянные дворы были в домах Рубцовых, Рюмина, Сливкова, Евдокимовых, Федоровского, Казиной, Шапыриной, Таптыкова. Постоянным промыслом занимались как сами домовладельцы, так и многочисленные арендаторы, представлявшие самые разные сословия от оброчных крепостных крестьян до зажиточного купечества.

Количество трактиров – заведений, где можно было остановиться на ночь и закусить, – определялось для каждого города особо, в зависимости от его масштабов и численности населения. В конце 1820-х гг. в районе Хлебной площади работало семь трактиров. Самыми дорогими по стоимости аренды были трактиры в домах О. Крутицкого на Почтовой и Е. Рюминой на Соборной. Их содержали купцы Сидор Семенов и И.И. Овсянников за 2000 и 1000 рублей в год соответственно. Также были известны трактиры купцов Ульяна Косова и Михаила Пронского на улице Краснорядской. Помимо трактиров в окрестностях торговой площади работали четыре харчевни – закусовых низшего разряда¹⁰².

В промысловых реестрах 1837 г. упоминаются пять ресторанов – заведений более высокого ранга, предназначенных для респектабельной публики. Рестораны работали в домах П.М. Филатова на Соборной, Е. Антонова на Московской, Н. Кочетыговой и М. Грачевой на Краснорядской, Н. Гордеева на Почтовой¹⁰³. Насколько они в реальности соответствовали своему статусу, установить не удалось.

К первой четверти XIX в. относятся первые сведения о рязанских гостиницах – заведениях, статус которых предполагал более высокий уровень обслуживания по сравнению с привычными постоянными дворами. Все они в то время располагались на улице Почтовой. Известно, что уже в конце 1820-х гг. рязанский купец О.И. Цепляев арендовал на три года гостиницу, располагавшуюся в доме И.А. Иванова¹⁰⁴. Стоимость аренды была довольно высока – более 3000 рублей в год. Это позволяет предположить, что

Иванов как владелец доходного дома предоставлял арендаторам полностью готовое заведение, оборудованное и меблированное. К сожалению, никаких подробностей о гостинице Цепляева не выявлено.

В 1837 г. в доме Иванова располагалась гостиница «Лондон». Ее содержал временный купец Леон Иванович Капустин. Компаниями Капустина были прусские подданные супруги Адольф и Елизавета Карловна Вейс¹⁰⁵. Капустин снял «обширный дом титулярного советника Иванова»¹⁰⁶ с платой в 6000 рублей в год. Эта сумма включала не только аренду, но и издержки на «приведение в лучшее устройство каменного дома»¹⁰⁷. Расположена гостиница была очень удачно – на участке почтового тракта Москва – Астрахань, рядом с почтовым двором, который нельзя было миновать ни проезжим чиновникам, ни путешествующим особам.

Можно предположить, что местными жителями в то время гостиница, да еще с вычурным названием, в противовес традиционному постоялому двору воспринималась как нечто необычное. Косвенным подтверждением этому служит запись в реестре торговых и промысловых заведений Рязани, составленном Рязанской городской думой в 1837 г.: «...в оном же доме Лондон содержит австрийский подданный, записавшийся гостем по 3-й гильдии, Леон Капустин». В графе «Чем торгует» указано лаконично «Лондон»¹⁰⁸. Подобные заведения в городе были наперечет, и все понимали, о чем идет речь. Для отелей выбор звучного «европеизированного» названия уже в то время был частью индустрии: стремление придать делу респектабельный вид начиналось с названия и вывески. Так, в «Очерках московской жизни», изданных в 1842 г., П.Ф. Вистенгоф называет лучшие гостиницы столицы: «Известнейшие гостиницы находятся на Тверской, в Охотном ряду и на Кузнецком мосту, как то: «Дрезден», «Европа», «Лондон», «Лейпциг», Шевалдышева, Лейба, Шевалье, Будье – бывшая Яра и Печкина»¹⁰⁹. В Рязани аналогами фешенебельных столичных улиц были Московская, Почтовая, Соборная, и здесь складывалась своя, но ориентированная на столичные образцы, среда. Вместе с тем, о том, насколько гостиница «Лондон» соответство-

вала своей претенциозности, судить мы не можем: свидетельств этого в нашем распоряжении нет.

Со слов приказчицы гостиницы Е.К. Вейс, заведение полностью погибло в пожаре. К горящему зданию не было возможности даже подойти, не говоря о том, чтобы спасти имущество. Спасти удалось лишь «несколько платья», а «все заведение и разных вещей и имущества сгорело на 18 000 рублей»¹¹⁰. Убытки были велики, но это не помешало содержателю заведения Капустину в 1838 г. записаться во временные рязанские купцы уже первой гильдии и, видимо, продолжать свое предприятие, что не удивительно, если поближе познакомиться с его личностью.

Человек с загадочной биографией, Л.И. Капустин был довольно известным в 1830–1850-х гг. предпринимателем-аферистом, но, как писал о нем граф М.Д. Бутурлин, «он был скорее мономан-аферист, чем обдуманый мошенник»¹¹¹. Имя Капустина часто встречается на страницах записок Бутурлина, у которого Капустин какое-то время служил управляющим.

Происхождение Капустина, а настоящая его фамилия была Капенштейн, терялось в еврейских местечках Восточной Европы, по некоторым сведениям, он был родом из г. Броды на границе России и Австро-Венгрии. Бутурлин писал о нем: «...при открытии второй Турецкой кампании, в 1829 г., Леон примкнул как маркигант к нашему Павлоградскому полку при перевозе через Дунай, ему выдан был билет на это звание из полковой канцелярии, в коем он обозначался Австрийским подданным. По словесному ли его заявлению, или на основании вида, выданного ему начальником Валашского княжества, он был назван Австрийским уроженцем, мне неизвестно; но с того времени, как он переехал на постоянное жительство в Москву, т.е. с осени 1832 года, ему выдавался беспрепятственно на основании его полкового билета ежегодный вид из канцелярии Московского обер-полицмейстера до 1845 года на прожитие в Москве без всяких о нем справок»¹¹².

Позже, когда Капустин оказался фигурантом судебного дела, «возникла официальная переписка с Австрийским правительством и оказалось, что в числе австрийских подданных никакого

человека с именем Леона Капенштейна по ревизским документам не имелось»¹¹³. Перемена фамилии «Капенштейн» на «Капустин» была связана с эпизодом, который также приводит Бутурлин: «... переименование его фамилии из Капенштейна в Капустина он обязан шуточной проделке одного из временных писцов нашей полковой канцелярии <...> унтер-офицеру Якову Судьбинскому»¹¹⁴.

В 1836 г. граф Бутурлин выдал Капенштейну-Капустину доверенность на управление имением и разрешение кредитоваться на свое имя «до определенной суммы для его оборотов»¹¹⁵. Возможно, эта перемена положения позволила Капустину в числе прочих разнообразных его предприятий открыть гостиницу в Рязани, и произошло это, вероятно, именно в 1836–1837 гг.

Из мемуаров Бутурлина следует, что в 1839 г. Капустин занимался устройством гостиниц с буфетами во время торжеств и военных маневров на Бородинском поле, на что потратил «непроизводительно» большие деньги из состояния графа¹¹⁶. Так что гостиничное дело, видимо, было в числе предпочтений Леона Капустина.

Постоянным его компаньоном в коммерческих начинаниях являлся Адольф Вейс, некоторые сведения о котором мы также узнаем из мемуаров Бутурлина. Он называет Вейса «главным приказчиком» Капустина. Их сотрудничество началось еще в 1829 г., когда Вейс был приказчиком у маркиганта Капенштейна. Позже, по рекомендации последнего, Вейс служил камердинером у командира Павлоградского полка полковника Е.И. Пашкова, а затем вернулся к коммерческой деятельности в качестве компаньона Капенштейна-Капустина. Причем факт службы Вейса управляющим в рязанской гостинице уже в 1837 г. уточняет сведения, приведенные Бутурлиным, который пишет, что тот вернулся на службу к Капустину «во время Бородинского предприятия»¹¹⁷. Как сложилась дальнейшая судьба рязанского заведения компаньонов, неизвестно.

Что же касается домовладельца И.А. Иванова, то для него пожар оказался роковым. Отвечая на вопросы следователей, он говорил, что, «лишась теперь всех способов отстроить сгоревший

каменный дом, в чем заключалось все достояние его, он Иванов должен лишиться самых стен онаго и с дворовыми местами...»¹¹⁸. Его усадьба с постройками на момент пожара была заложена рязанскому купцу С.Г. Подгорному за ссуду в 14 000 рублей. Убыток Иванов оценил в 150 000 рублей, включая в эту сумму и стоимость самой усадьбы, и неполученные доходы от аренды и оборота капитала в банковских учреждениях. Он просил «уволить его от дальнейших объяснений <...> из уважения к бедствиям, во время пожара ему с семейством нанесенным и которые, превышая собою всякое человеческое и даже христианское терпение, расстраивают умственные его способности, необходимо нужные при составлении таких обширных требуемых от него сведений»¹¹⁹. В 1840-х гг. владельцем дома Иванова – одного из самых крупных объектов коммерческой недвижимости в Рязани – значился купец С.Г. Подгорный.

«Лондон» не был единственной гостиницей, работавшей на Почтовой. С 1810-х гг. по соседству существовало хорошо известное заведение раненбургского мещанина Степана Никитича Крестьянова. Уже в начале XIX в. тот обзавелся в Рязани собственной усадьбой на улице Почтовой «по кособору к Лыбеди». Располагалась она ближе к Астраханскому мосту, примерно на месте домов № 51, 53. В 1808–1810 гг. в усадьбе были выстроены деревянный дом с флигелем, лавки и баня на берегу Лыбеди¹²⁰.

Первые упоминания гостиницы Крестьянова встречаются в реестре домовладений Рязани за 1818–1820 гг., где у него значатся «два дома, трактир и въезжий дом» общим числом 14 покоев¹²¹. В реестрах промысловых заведений города конца 1820-х гг. заведение С.Н. Крестьянова еще упоминалось, однако где-то в середине 1830-х гг. дело его, видимо, пошатнулось. В показаниях о пожаре (заведение Крестьянова от огня не пострадало) он сообщал уже не о собственной гостинице, а о том, что содержит постоялый двор губернского секретаря Захара Таптыкова «на Почтовой улице против дома капитана Савостьянова»¹²². То есть к этому времени усадьба Крестьянова была продана и он арендовал у нового владельца свое бывшее заведение.

Гостиница Крестьянова примечательна тем, что удостоилась упоминания в литературе. В повести русского прозаика первой половины XIX в. Н.Ф. Павлова «Именины» (1835) читаем: «Кто проезжал Рязань, тот, верно, знает Степана Никитича; тот, верно, останавливался у него и слышал, как он хвастает своею мадерой. Живо я помню эту грязную осень, этот мрачный вечер, когда ни одна звезда не теплилась на небе, и когда почтовые лошади едва дотащили меня до ворот рязанской гостиницы. Я был мученик нетерпения. Мне хотелось переменить время года, переправить дороги, сделаться чародеем, чтоб долететь скорее в объятия обожаемой жены! Как я суетился, чтоб немедля пуститься в путь. Как крепко стоял против всех обольщений Степана Никитича, заверявшего, что у него есть и бифштекс, и котлеты, и мадера из Петербурга. Но на станции не было лошадей. Я послал отыскивать вольных, хотя извозчики и слуги твердили, что за Рязанью нет проезда, что надо переночевать. Эти убеждения мало действовали на меня, однако поневоле должно было дожидаться. Я расположился ужинать, мечтая о конце моего путешествия...»¹²³

Неподалеку от гостиницы Крестьянова располагалась гостиница Николая Ивановича Варварина, также одна из старейших в городе. В самом начале 1800-х гг. на углу улиц Астраханской и Нижней Почтовой купец Алексей Васильевич Чернавский (он же Быков) выстроил большой двухэтажный каменный дом.

Около 1810 г. его владелицей стала Варвара Григорьевна Сазонова (1792–1837)¹²⁴ – жена статского советника Ивана Васильевича Сазонова (1778–1819),¹²⁵ рязанского обер-форстмейстера, в 1818–1819 гг. предводителя дворянства Рязанского уезда.

Вероятно, дом был куплен В.Г. Сазоновой¹²⁶ вскоре после свадьбы, которая состоялась в апреле 1809 г.¹²⁷ После смерти в 1819 г. Ивана Васильевича Варвара Григорьевна с малолетними детьми какое-то время жила в доме отца Г.П. Оболонского, вероятно, в Москве, а собственный дом сдавала¹²⁸. В начале 1830-х гг. В.Г. Сазонова проживала в Коломне в доме купца Кондратова¹²⁹.

Управляющим рязанским домом Сазоновой по доверенности стал Николай Иванович Варварин. В 1819–1829-х гг. он прожи-

вал в доме «без условия и платы, а только для надзора дома»¹³⁰. Варварин происходил из мещан московской Алексеевской слободы. В октябре 1819 г. в Рязани он венчался с девицей Матреной Григорьевной – бывшей дворовой В.Г. Сазоновой, отпущенной на волю¹³¹. В 1821 г. Варварин причислился в рязанское купечество, в котором состоял до 1829 г.¹³² В 1829 г. он поступил на службу в Рязанское уездное училище учителем чистописания, рисования и черчения. В свое время Варварин, как отмечено в его формулярном списке, обучался рисованию и черчению «в частном училище и у гравера» в Москве¹³³. В рязанском училище Варварин прослужил до 1841 г., после чего в чине коллежского секретаря вышел в отставку.

Дом, насчитывавший «32 покоя», сдавался арендаторам для содержания постоянного двора и гостиницы. Впервые «въезжий дом» (постоялый двор) и гостиница в доме Сазоновой упоминаются уже в начале 1820-х гг.¹³⁴ Гостиницу содержал рязанский купец Куприянов¹³⁵. В середине 1820-х гг. в доме Сазоновых проживало семейство купца И.И. Рюмина, в то время как его собственный роскошный дом в 1820–1827 гг. служил резиденцией генерал-губернатора Рязанского наместничества А.Д. Балашова.

В 1825 г. В.Г. Сазонова выставила дом на продажу. Возможность его приобретения рассматривала дирекция Рязанской гимназии, испытывавшая недостаток в помещениях. В записке, поданной в Министерство просвещения, о доме говорилось, что «он близок к гимназии, построен из прочного каменного материала и покрыт железом, красив, стоит на сухом и здоровом месте среди города, главною фасадою на полдень и продается за сходную цену – за 35000 ассигнациями»¹³⁶. Однако у гимназии не было денег на покупку, а Министерство в средствах отказало. В итоге дом купил Варварин. Не установлено, в каком именно году это произошло, но во владение он был введен в 1836 г. К этому времени Варварин проживал в доме и хозяйственно распоряжался им уже более 15 лет. В 1837 г. гостиницу в его доме содержал спасский купец Тимофей Мелешкин¹³⁷.

Гостиница Варварина была, пожалуй, самой фешенебельной и дорогой в Рязани середины XIX в. И.С. Аксаков, в январе 1844 г. останавливавшийся там, отмечал: «В Рязань приехали вечером, остановились в гостинице Варварина... Рязань показалась мне славным городом. Поужинавши в ней и заплатив ужасно дорого за постой, мы отправились»¹³⁸.

В начале 1850-х гг. в гостинице Варварина регулярно останавливались московские гости губернатора П.П. Новосильцева, о чем упоминается в записках М.Д. Бутурлина, в то время служившего чиновником особых поручений при рязанском губернаторе. Бутурлин писал: «...стоит упомянуть о типическом содержателе гостиницы, где они обыкновенно останавливались. Господин этот был из дворян, по фамилии Варварин, открывший гостиницу в собственном доме на Астраханской улице, близ Трубежского моста»¹³⁹. Был этот Варварин великий любитель политики; но особенно сильно интересовало его, во времени Венгерских смут 1848 года, узнать, куда девались Венгерские королевские регалии и клейноды, похищенные демократическим диктатором Кошутом; а как газеты давно перестали говорить об этом предмете, то любознательный хозяин гостиницы адресовался к новоприезжим своим квартирантам с вопросом, не имеют ли хоть они каких-нибудь сведений по сему обстоятельству? У него в гостинице жил уже несколько лет весь круглый год старый холостяк Кошелев, находивший, что подобный образ жизни на всем готовом, без лично нанимаемой прислуги, гораздо удобнее, нежели нанимать в городе готовую квартиру без мебели, хлопотать об ее отоплении и возиться с поваром. Ему рапортовали аккуратно о всех приезжающих в гостиницу и отъезжающих, отчего он и получил прозвище коменданта Варваринской гостиницы»¹⁴⁰.

Гостиница Варварина действовала до рубежа 1870–1880-х гг., когда была продана Н.К. Штейерту. Само имя Варварина настолько тесно ассоциировалось с бывшей Сазоновской усадьбой, что часть улицы Почтовой (Нижняя Почтовая) в 1860-х гг. иногда именовалась Варваринским переулком¹⁴¹.

Страсти человеческие

Следственное дело о пожаре 1837 г. – не только богатейший источник информации о деловой жизни города первой половины XIX в.; «сквозь дым пожара» проступают особенности социального быта Рязани той поры. Свидетельские показания, живые, эмоциональные, зачастую окрашенные личностным отношением, наполняют драму, произошедшую в ночь с 17 на 18 июля 1837 г., реальными действующими лицами. Перед нами предстаёт пестрая галерея городских типов: домовладельцы, арендаторы торговых и промысловых помещений, торговцы, наемные работники, прислуга, приказчики, дворники, жильцы, снимавшие комнаты в доходных домах, первые лица городской и полицейской администрации. В ходе разбирательства сквозь коллизии сюжета проступает вся полнота сложных отношений в городском социуме; отношений, усугубленных такими факторами, как сословный статус участников, их коммерческие интересы, конфликты и взаимные обязательства, родственные и приятельские связи, административный ресурс в руках одних и боязнь столкновения с властью, укрепленная в сознании других.

Как уже отмечалось, следствие о пожаре губернатор В.М. Прокопович-Антонский поручил начать в связи с прошением, поданным титулярным советником И.Е. Федоровским, в котором тот обвинял в бездействии полицию и пожарных. Проситель и другие погорельцы считали причиной быстрого распространения огня совсем не внезапность возгорания или сильный ветер, переносивший пламя от квартала к кварталу. От пожарного двора, располагавшегося на улице Семинарской, до дома А.Г. Рюмина, где началось возгорание, не более 300 м, но пожарная команда прибыла слишком поздно, так как, по мнению обывателей, на пожарном дворе в это время не было ни команды, ни лошадей. По слухам, они находились не там, как следовало бы, а в лугах за Трубежем «для уборки сена... полицмейстеру скошенного»¹⁴². Об этом писал И.Е. Федоровский в прошении о расследовании

обстоятельств пожара: «... бывший общий народный слух о том, что на пожарном дворе лошадей в начале пожара не было, а находились в лугах, должен быть известен многим из числа лишившихся от пожара домов и имуществ...»¹⁴³.

Хозяева загоревшихся домов были вынуждены везти пожарные трубы с пожарного двора на себе, о чем свидетельствовал мещанин М.М. Сливков¹⁴⁴. Показания пожарных опровергали это утверждение: «Рядовые спали в казармах, по сигналу начали запрягать, запрягли минуты в четыре, так как лошади были в хомутах, вода в бочках налита <...> сено же возили из городских лугов подсудимые на набеглых лошадях»¹⁴⁵.

Упреки погорельцев были адресованы, прежде всего, полицмейстеру П.О. Робошу. По утверждению обывателей, когда пожарная команда прибыла, «полицмейстер даже в то время, когда был пожар, прохаживал по оному без всякого действия»¹⁴⁶. На третий день после происшествия, проезжая по улице Почтовой, полицмейстер «остановился около собравшегося в кучу разного народа, многие подошли к нему и начали с ропотом говорить, что пожарных труб и бочек сначала пожара не было <...> на сие он Г-н полицмейстер с гневом отозвался, что они не смеют о том говорить»¹⁴⁷.

С полицмейстером разговор начал И.А. Иванов «с упреком, что он от недействия полиции лишился всего, на сие полицмейстер сказал, что пеняйте на это на их гражданина Алексея Григорьева Рюмина, а не на полицию»¹⁴⁸. Пока полицмейстер «разговаривал и спорил» с И.А. Ивановым, к ним подошел мещанин Матвей Сливков и обратился к П.О. Робошу со словами: «Покорно благодарим, что сколько он ни просил труб пожарных, не помогли, а уже на себе привез». В то же время «и другия многия были и подобным образом благодарили», на что полицмейстер сказал, что «он всех под суд отдаст», «для чего они на него лгут». Свидетели разговора подтверждали, что П.О. Робош «уграживал» купцу Сливкову и купцу Козьме Андрееву «отослать их под суд за то, что они говорили ему, что пожарным лошадям на покое быть не следовало»¹⁴⁹.

Часть обывателей придерживалась иного мнения. Так, купец Иван Акимович Фирсов утверждал, что сено с лугов возили для полицмейстера люди, которых нанимал и руководил перевозкой управляющий его пивоваренного завода купец Федор Захарович Ушаков¹⁵⁰. Он же Фирсов, по свидетельству обывателей, «уговаривал купца Сливкова и других ему известных, чтобы они умалчивали о бездействии полиции, и что в противном случае не будет исходатайствовано на возобновление их домов ссуды»¹⁵¹.

Высокую оценку действиям полицмейстера Робоша дал акушер рязанской врачебной управы доктор Иван Алексеевич Венецкий, квартировавший неподалеку от эпицентра пожара и прибывший на место в числе первых. По его словам, остановить «сильный и могучий» пожар могло только «одно распоряжение благоразумное» и «такое благоразумие оказал полицмейстер Робош», поставив пожарные трубы у дома статского советника Киселева на Соборной и «между пожарищем и домом почтамта» на Почтовой, а также отдав распоряжение разобрать деревянные дома Савостьянова и Шарова на Почтовой, смежные с каменным домом Ивана Рюмина¹⁵². Эти действия, по мнению Венецкого, позволили не допустить распространения огня к улице Астраханской.

В свою очередь, полицмейстер объяснял поданные против него свидетельства личной неприязнью ряда лиц и, напротив, их дружескими отношениями с И.Е. Федоровским, обвинявшим его в бездействии. Так, у П.О. Робоша были сложные отношения с почтмейстером М.Е. Дембовским, свидетельствовавшим против него. Рассорились они из-за бытового разговора накануне поездки вдовца Дембовского в Петербург с намерением жениться.

Полицмейстер, «по врожденному праводушию», заметил, что Дембовскому следовало бы думать о том, как пристроить сыновей в учебные заведения и выдать дочерей замуж, а не о собственной женитьбе. Дембовский совет «принял упреком, изъявил ему по оному неудовольствие и, возвратясь из Петербурга, уже с ним знаком не был»¹⁵³. Кроме того, Дембовский, по мнению Робоша, был недоволен его, Робоша, заключением по уже упоминавшему делу о строительстве купцом Курганским дома рядом с усадьбой

Почтового двора. Почтмейстер упрекал полицмейстера в том, что он якобы заставил губернского архитектора признать постройку законной «в угодение Курганского»¹⁵⁴.

Дембовского и Федоровского также связывали деловые контакты: последний по контракту, заключенному с почтовым ведомством, содержал почтовых лошадей по Рязанской губернии¹⁵⁵.

Прочие лица, поддержавшие обвинения Федоровского, по мнению полицмейстера, тоже не могли быть объективны, так как «купцом Подгорным Федоровский весьма часто одалживался деньгами, да и дом сгоревший не у купца ли Подгорного в залоге, а с губернским секретарем Варвариним [Федоровский. – Д.Ф.] имеет тесную дружбу и хлебосольство»¹⁵⁶.

На общем фоне свидетельских показаний о пожаре, повествующих, главным образом, о том, как распространялся огонь, как действовала пожарная команда, об утрате имущества погорельцев, выделяется эпизод, связанный с личностью цехового И.К. Курбатова.

Его квартира и сапожная мастерская, как уже отмечалось, находились в доме Антонова на Почтовой. Во время пожара, бросив собственное имущество, Курбатов помогал спасать вещи из домов Рюминых, Сливковых и Евдокимовых, стоявших на противоположной стороне улицы.

После того как утихли первые пожарные страсти, мещанка Авдотья Марковна Евдокимова в ходе следствия объявила об «искренней ее признательности к патриотической чести московского цехового Ивана Казмина Курбатова» и его «ревностном христианском подвиге». По свидетельству А.М. Евдокимовой, во время пожара ее муж был в отъезде и она оставалась дома одна с малолетними детьми. В момент, когда «к дому мужа ее примыкающий огонь, распространявшийся повсюду, истреблял все», она «погружена была глубоким сном». Сильный шум и крик на улице «пробудил ее в страхе и смущении». К этому времени огонь уже охватил службы усадьбы Евдокимовых, загорелся дом. «При внезапном освещении той светелки, где она находилась с детьми», Авдотья Марковна растерявшись, «в ужасе оставалась вне себя»

и «кроме произносимого ею вопля не нашлась в возможности обрести себе существенного спасения от совершенной гибели»¹⁵⁷.

«В ту минуту, конечно, по побуждению Всевышнего, явился на место происшествия... Курбатов». Он помогал спасать вещи, но «в сие время пламя, пробив окно оной светелки, распространилось с густым дымом. Курбатов буквально вытащил оцепеневшую от ужаса Евдокимову из огня, вывел ее по лестнице на улицу, после чего снова бросился в огонь спасать имущество. Вернувшись в светелку, «к удивлению его, нашел спящую, забытую» шестилетнюю дочь Евдокимовых Анну. «С новым напряжением едва уже остававшихся в нем сил» он вынес и передал ребенка матери, после чего еще несколько раз возвращался в охваченный пламенем дом, спасая вещи.

В это время собственное имущество Курбатова сгорело. «Прибывав... в свою квартиру в противулежащем доме бывшую, нашел он оную совершенно объятую пламенем и лишенную всякой помощи».

О поступке Курбатова А.М. Евдокимова сообщила не только следователям, но и городскому голове И.И. Овсянникову, назвав имена очевидцев. При этом она объявила, что, «сама лишившись в то время всего имения их, вознаградить потери его не в состоянии, а остаться к спасению ее дочери... от смерти непризнательною считает себе неизвинительным» и будет обращаться с прошением на имя императора, в котором сообщит о поступке Курбатова¹⁵⁸.

Приведенные свидетельства – это лишь некоторые, наиболее яркие эпизоды, иллюстрирующие историю пожара 1837 г. Благодаря персонификации событий, наполнения их личностными переживаниями невольных участников и очевидцев бедствия, его картина предстает как масштабная драма с реальными действующими лицами и развитием сюжета.

Город в деталях

Грандиозной декорацией пожарной драмы 1837 г. выступает городское пространство, уже рассмотренное нами достаточ-

но подробно. Но в материалах следственного дела встречаются факты, детали, дополняющие эту картину яркими и ценными штрихами. Таковыми являются упоминания городских объектов, топонимов или их вариантов, ранее не выявленных или не встречающихся в других источниках. Например, одно из названий улицы Маломещанской (соврем. Кудрявцева), бытовавшее то время, – улица Хлуденевская. Топоним был связан с именем коллежского асессора Андрея Петровича Хлуденева, чья городская усадьба находилась в то время на улице.

Название Красноярская в деле не встречается, хотя сама улица не раз фигурирует в показаниях погорельцев. Вероятно, к тому времени топоним еще не утвердился. Упомянув о домах по этой улице, их местоположение обозначают толковательно: «дом напротив красных лавочек», «за красными лавочками», «против маленьких красных лавочек»¹⁵⁹, а саму улицу иногда именуют Хлебной¹⁶⁰, рассматривая ее как часть Хлебной площади. Это можно объяснить тем, что торговля «красным» товаром переместилась на Хлебную площадь из Гостиного двора только в конце 1820-х – начале 1830-х гг. и понятие «красные ряды», а вместе с ним и топоним «Красноярская» еще не вошли в городской обиход.

В связи с этим следует отметить и эволюцию исторических названий современной улицы Маяковского, в то время носившей название Липецкой на всем протяжении от Лыбеди до перекрестка с улицей Красноярской. Впоследствии название Липецкая применялось лишь к участку улицы от ее перекрестка с улицей Маломещанской до Лыбеди, участок же от Московской до Маломещанской именовался Хлебной. В данном случае мы, вероятно, также наблюдаем перенос названия Хлебной площади на ограничивавшие ее улицы, как и в случае с первоначальным наименованием улицы Красноярской. Сама площадь в деле о пожаре именуется «новой Хлебной площадью» или «Новым базаром», при этом понятие распространяется не только на торговое пространство, но и на всю ближайшую округу¹⁶¹.

Еще одно топонимическое наблюдение касается улицы Торговой. Это название, судя по планам начала XIX в., изначально но-

сила улица Горького на участке, примыкающем к Лыбеди. Позже улица получила название Мясницкой в связи с расположением по ходу нее трассы мясных рядов на Лыбеди, давших, к слову, и название Мясницкому мосту, в наше время получившему внеисторическое и несуразное в местном топонимическом контексте название Брессюирского.

Что же касается топонима «Торговая», он неожиданно, но объяснимо встречается в документах 1830-х гг. применительно к улице Почтовой: «на улице Торговой или по названию ныне существующему Почтовой»¹⁶². Вместе с тем, улицу Почтовую на рубеже 1820–1830-х гг. нередко именовали Московской, справедливо считая ее продолжением Московского тракта. Все это иллюстрирует живой и динамичный процесс постепенного формирования и закрепления городских топонимов в первой половине XIX столетия.

Интересным представляется упомянутое в деле бытовое название части города, примыкающей по обе стороны Лыбеди к Большому каменному мосту. Говоря о том, что пожар был остановлен в средней части улицы Почтовой, следователи отмечали, что его не допустили «к части города Мостовой»¹⁶³. Данное упоминание интересно еще и тем, что название в тексте подчеркнуто и напротив него на полях стоит отметка «NB». Это неофициальное городское обиходное название привлекло внимание переписчика уже в момент формирования следственного дела.

Помимо нескольких городских улиц, местом действия во время пожара стала Хлебная площадь. На ней толпились обыватели: члены семей-погорельцев, случайные зеваки, сбежавшиеся на пожар, сюда были вывезены спасенные из горевших домов вещи. По приказу командира Рязанского гарнизонного батальона майора Алексеева, их охраняла «особая команда в карульной амуниции» из 40 человек. Где-то здесь задержали рядовых Козьму Емельянова и Егора Суворина «с двумя ломтями ветчины сала» и отправили под арест, приказав «снять допрос»¹⁶⁴.

Ранее, анализируя рисунок М.С. Бровкина, мы уже обозначили некоторые черты облика главной торговой площади города. В следственном деле встречаются некоторые подробности, по-

зволяющие дополнить эту картину. Так, в показаниях очевидцев не раз упоминаются каменные торговые ряды и «красные лавочки» – деревянные лавки, пристроенные с внешней стороны к каменным корпусам. Именно «красные лавочки», расположенные с внешней стороны южного торгового корпуса, и дали в свое время название улице Краснорядской.

Объекты Хлебной площади, упомянутые в деле, были сосредоточены в ее восточной и юго-восточной части. В самом углу площади у выезда на Мясницкую улицу стоял казенный питейный дом «Медовый», возможно, он же в городском обиходе назывался «Треугольный питейный дом» или «Угольный кабак»¹⁶⁵, получив название по форме строения (что видно на планах города), но не исключено, что и по причине расположения на месте пересечения трех улиц – Мясницкого проезда, Мясницкой и Краснорядской. Рядом, вероятно, в домах по улице Краснорядской располагался трактир, почему-то прозванный «соломенным»¹⁶⁶. Здесь же в юго-восточной части площади находились городские весы; где-то рядом с ними стояла одна из городских полицейских будок¹⁶⁷.

Эти мелкие подробности, при всей своей незначительности, позволяют в деталях воссоздать облик делового центра Рязани той поры, наполняя городскую среду конкретным живым содержанием.

Подводя итоги обзору истории пожара 1837 г., можно уверенно сказать, что это событие стало одним из крупных потрясений для города в первой половине XIX столетия. Однако с градостроительной точки зрения пожар, хотя и оказал влияние на формирование облика центральных городских кварталов, не носил решающего значения для сохранения или утраты построек рубежа XVIII – начала XIX в., как утверждалось в литературе.

Учитывая деловой характер пострадавших кварталов, можно заключить, что независимо от пожара общая картина застройки этой части города со временем претерпела бы серьезные изменения под влиянием растущих потребностей домовладельцев в новых коммерческих площадях. По этой причине деревянная застройка начала XIX в., погибшая в пожаре 1837 г., практически

не имела шансов уцелеть в деловом центре Рязани XIX в. Каменные строения, возведенные здесь до пожара, после него были восстановлены, в целом сохранив свои объемные характеристики. Что же касается внешнего облика зданий, то он на протяжении XIX столетия менялся не раз в соответствии с модой и запросами застройщиков.

Вместе с тем, возможность хотя бы отчасти реконструировать допожарный облик центральных кварталов Рязани, которая открывается благодаря следственному делу, представляет очевидный исследовательский интерес. История пожара 1837 г. оказалась чрезвычайно интересна и с точки зрения изучения целого ряда вопросов и эпизодов рязанской повседневности первой половины XIX в.

Обширный фактический материал, вводимый в оборот, будет полезен не только для дальнейших исследований по региональной тематике, но и может быть использован в различных прикладных целях от строительства тематических музейных экспозиций до лекционной и экскурсионной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Василия Дмитриевича Баркова, потомственного почетного гражданина. СПб., 1902. С. 92–94.

² Филиппов Д.Ю. Путь к Истории: Иван Гагин и его историографическое наследие // Историографическое наследие провинции. Материалы IV научно-практической конференции, посвященной памяти Д.И. Иловайского и М.К. Любавского. Рязань, 21 февраля 2007 г. Рязань, 2009. С. 98.

³ В данном контексте под «губернией», видимо, подразумевается губернский город.

⁴ ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 484. Л. 99–99 об., 102; см. также: Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Т. V. № 1–2. Рязань, 1891. С. 23.

⁵ Календарь и справочный указатель Рязанской губернии на 1883 год / Сост. А.В. Селиванов, А.А. Фотиев. Рязань, 1882. С. 166, 168, 169.

⁶ См.: Проходцов И.И. Наследник цесаревич Александр Николаевич в Рязанской губернии в 1837 году // Труды РЯУАК. Т. XVI. Вып. 1. Рязань, 1901. С. 1–82; Историческая записка Рязанской первой мужской гимназии. 1804–1904. Рязань, 1904. С. 86; Дорожные письма С.А. Юрьевича во время путе-

шествия по России наследника цесаревича Александра Николаевича в 1837 году // Русский архив. 1887. Вып. 5. С. 70–71; *Полонский Я.П.* Проза. М., 268–360.

⁷ *Проходцов И.И.* Указ. соч. С. 79.

⁸ Там же. С. 65.

⁹ Там же. С. 76.

¹⁰ *Ильин М.А.* Рязань. Историко-архитектурный очерк. Ч. 1. XI – начало XX вв. М., 1954. С. 134, 147, 155, 156.

¹¹ *Седов М.А.* «Бездомная» дума: из истории рязанской городской недвижимости // Пятые Яхонтовские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2010. С. 110–111.

¹² ГАРО. Ф. 4. Оп. 46. Д. 411.

¹³ Там же. Л. 70–70 об.

¹⁴ Там же. Л. 10 об.

¹⁵ Там же. Л. 48 об.–49.

¹⁶ Там же. Л. 56 об.

¹⁷ Там же. Л. 11–12.

¹⁸ *Проходцов И.И.* Указ. соч. С. 65.

¹⁹ ГАРО. Ф. 4. Оп. 46. Д. 411. Л. 159.

²⁰ См.: Рисовал Михаил Бровкин – рязанский мещанин. Акварели и рисунки М.С. Бровкина из коллекции графики Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. Каталог. / Сост. О.М. Сахарова. Рязань, 2006. С. 11; *Сахарова О.М.* Михаил Бровкин – художник-самоучка провинциальной Рязани (по материалам коллекции графики Рязанского музея-заповедника) // Провинциальное культурное гнездо (1778–1920-е годы). Сб. статей и материалов / Отв. ред. А.А. Севастьянова. Рязань, 2005. С. 101.

²¹ Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1488. Оп. 3. Д. 889. Л. 1; см. также: *Филиппов Д.Ю.* Никифор Милунов в архитектуре Рязанской губернии // Собрание. № 4. 2012. С. 70. Иллюстрация.

²² *Кусова И.Г.* Предприниматели и коллекционеры Антоновы // Труды РИАМЗ / Отв. ред. Т.В. Ерошина. Рязань, 1998. С. 115.

²³ ГАРО. Ф. 854. Оп. 1. Д. 59. Л. 460 об.; Календарь и справочный указатель Рязанской губернии на 1883 год... С. 166.

²⁴ ГАРО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 541.

²⁵ *Проходцов И.И.* Указ. соч. С. 65.

²⁶ Собрание фасадов Его Императорского Величества, высочайше апробированных для частных строений в городах Российской империи. Ч. 1–4. СПб., 1809–1812.

²⁷ ГАРО. Ф. 4. Оп. 46. Д. 411. Л. 44.

²⁸ Ранее владение принадлежало титулярному советнику С. Кириллову (ГАРО. Ф. 5. Оп. 4 доп. Д. 10. Л. 38 об.).

²⁹ ГАРО. Ф. 4. Оп. 46. Д. 411. Л. 129 об.

³⁰ Там же. Л. 146.

³¹ Там же. Л. 117, 146, 167, 191.

³² Там же. Л. 47. Во второй половине XIX в. дома Мальшиных и Овсянникова перешли во владение купеческой семьи Морозовых. Они были перестроены и оформлены единым фасадным декором в духе эклектики. В результате на угловом участке по улице Соборной и Соборному проезду сформировался очень протяженный в длину двухэтажный корпус в 21 окно по Соборной и 17 окон по проезду, с торговыми помещениями в первом этаже.

³³ Там же. Л. 50–50 об.

³⁴ Там же. 167 об.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 342. Карт. мат. Л. 117.

³⁶ ГАРО. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 2. Л. 45–47.

³⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 46. Д. 411. Л. 51–53.

³⁸ Там же. Л. 53.

³⁹ Там же. Л. 62 об.

⁴⁰ Там же. Оп. 40. Д. 917.

⁴¹ Там же. Ф. 627. Оп. 84. Д. 89. Л. 10 об.

⁴² Там же. Ф. 4. Оп. 46. Д. 411. Л. 74 об.–75.

⁴³ Там же. Оп. 719. Д. 235. Л. 102–103 об.

⁴⁴ Там же. Оп. 46. Д. 411. Л. 50.

⁴⁵ Там же. Л. 190 об.

⁴⁶ Там же. Оп. 47. Т. IX. Д. 6773. Л. 26 об.

⁴⁷ Там же. Оп. 719. Д. 222. Л. 33.

⁴⁸ Там же. Ф. 920. Оп. 1. Д. 509. Л. 150 об.–151.

⁴⁹ Там же. Ф. 5. Оп. 4 доп. Д. 7. Л. 4 об.

⁵⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 46. Д. 411. Л. 110 об.–111.

⁵¹ Там же. Оп. 532. Д. 12.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. Ф. 5. Оп. 4 доп. Д. 10. Л. 77.

⁵⁴ Там же. Л. 87.

⁵⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 46. Д. 411. Л. 10.

⁵⁶ *Архипова В.Н.* «Почти утраченный» художник // Московский журнал. 2017. № 8. С. 90–91.

⁵⁷ ГАРО. Ф. 5. Оп. 4 доп. Д. 10. Л. 48, 49.

⁵⁸ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 53. Л. 12.

⁵⁹ Там же. Л. 17.

⁶⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 46. Д. 411. Л. 152.

⁶¹ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 53. Л. 17; Ф. 4. Оп. 46. Д. 411. Л. 153.

⁶² Там же. Ф. 5. Оп. 4 доп. Д. 10. Л. 51 об.–52, 78.

⁶³ Там же. Ф. 4. Оп. 41. Д. 1122. Л. 14 об.; Ф. 5. Оп. 4 доп. Д. 10. Л. 78.

⁶⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 46. Д. 411. Л. 66, 151.

⁶⁵ Там же. Л. 84 об.

- ⁶⁶ Там же. Л. 148 об.
- ⁶⁷ Ф. 49. Оп. 1. Д. 53. Л. 12.
- ⁶⁸ Там же. Л. 72, 73.
- ⁶⁹ Ф. 5. Оп. 4 доп. Д. 10. Л. 79, 87.
- ⁷⁰ Там же. Л. 53–53 об.
- ⁷¹ Мальцева И.М. Пирожное, пирог // Русская речь. 1982. № 4. С. 144–148.
- ⁷² ГАРО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 53. Л. 16.
- ⁷³ Там же. Ф. 4. Оп. 46. Д. 411. Л. 153 об.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 5. Оп. 4 доп. Д. 10. Л. 54–55 об.
- ⁷⁵ Там же. Л. 62 об.; Ф. 627. Оп. 88. Д. 39. Л. 94 об.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 5. Оп. 4 доп. Д. 10. Л. 66 об.
- ⁷⁷ Филиппов Д.Ю. История 33-го городского квартала // Рязанская старина. 2006–2008. Вып. 4–6. Рязань: Край–music, 2013. С. 369.
- ⁷⁸ ГАРО. Ф. 5. Оп. 4 доп. Д. 10. Л. 56–58; 81 об.–83 об.
- ⁷⁹ Там же. Л. 70, 79.
- ⁸⁰ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 53. Л. 15 об.–16.
- ⁸¹ Там же. Л. 24 об.–25.
- ⁸² Ф. 5. Оп. 4 доп. Д. 10. Л. 86.
- ⁸³ Там же. Л. 85.
- ⁸⁴ Ф. 4. Оп. 46. Д. 411. Л. 76.
- ⁸⁵ Выставки сельских произведений в 1850 году. Рязанская выставка // Журнал министерства государственных имуществ. 1851. Ч. 39. № 2. С. 75.
- ⁸⁶ ГАРО. Ф. 5. Оп. 4 доп. Д. 10. Л. 61 об.
- ⁸⁷ Там же. Л. 63 об.
- ⁸⁸ Там же. Л. 61 об.; Ф. 627. Оп. 88. Д. 39. Л. 95 об.
- ⁸⁹ Ф. 627. Оп. 88. Д. 39. Л. 94 об.
- ⁹⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 46. Д. 411. Л. 156.
- ⁹¹ Там же. Л. 153.
- ⁹² Ф. 5. Оп. 4 доп. Д. 10. Л. 80.
- ⁹³ Там же. Ф. 627. Оп. 88. Д. 39. Л. 92.
- ⁹⁴ Там же. Ф. 5. Оп. 4 доп. Д. 10. Л. 62; Выставка изделий Рязанской губернии. М., 1837. С. 17; Города Рязанской губернии // Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1841. С. 7.
- ⁹⁵ Кусова И.Г. Рязанское купечество: очерки истории XVI – начала XX в. Рязань, 1996. С. 127.
- ⁹⁶ ГАРО. Ф. 5. Оп. 4 доп. Д. 10. Л. 80.
- ⁹⁷ Выставки сельских произведений в 1850 году... С. 72.
- ⁹⁸ Там же. С. 72, 75.
- ⁹⁹ Политехническая выставка в Москве // Гражданин: журнал политический и литературный. 1872. Ч. 2. С. 243; Мельникова О. Часовники и часовщики // Наука и жизнь. 1995. № 1. С. 122.
- ¹⁰⁰ ГАРО. Ф. 129. Оп. 159. Д. 76. Л. 21 об.

- ¹⁰¹ Там же. Ф. 5. Оп. 4 доп. Д. 10. Л. 65–67 об; 87 об.–88 об., Ф. 49. Оп. 1. Д. 53. Л. 29–30 об.; Ф. 920. Оп. 1. Д. 509.
- ¹⁰² Ф. 5. Оп. 4 доп. Д. 10. Л. 48–49 об., 75–77.
- ¹⁰³ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 53. Л. 12–16.
- ¹⁰⁴ Там же. Ф. 5. Оп. 4 доп. Д. 10. Л. 75.
- ¹⁰⁵ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 53. Л. 15, 54 об.–55; Ф. 129. Оп. 116. Д. 34. Л. 15 об.
- ¹⁰⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 46. Д. 411. Л. 190 об.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 175–176 об.
- ¹⁰⁸ Ф. 49. Оп. 1. Д. 53. Л. 15.
- ¹⁰⁹ Вистенгоф П.Ф. Очерки московской жизни. М., 1842. С. 137.
- ¹¹⁰ ГАРО. Ф. 4. Оп. 46. Д. 411. Л. 54.
- ¹¹¹ Записки графа М.Д. Бутурлина // Русский архив. 1897. Вып. 8. С. 559.
- ¹¹² Там же. С. 560; 1897. Вып. 12. С. 551.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Там же. Вып. 12. С. 551.
- ¹¹⁵ Там же. Вып. 8. С. 556.
- ¹¹⁶ Там же. Вып. 10. С. 237.
- ¹¹⁷ Там же. С. 252.
- ¹¹⁸ ГАРО. Ф. 4. Оп. 46. Д. 411. Л. 176–177.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 719. Д. 199. Л. 21 об., 55; Д. 222. Л. 55 об.
- ¹²¹ Там же. Ф. 920. Оп. 1. Д. 509. Л. 148 об.–149.
- ¹²² Там же. Ф. 4. Оп. 46. Д. 411. Л. 138.
- ¹²³ Павлов Н.Ф. Именины // Избранное: повести, стихотворения, статьи. М., 1988. С. 35; см. также: Грачёва И.В. Рязань в поэзии А.В. Антонова // Вестник РГУ им. С.А. Есенина. 2018. № 2. С. 145–146.

¹²⁴ Варвара Григорьевна Сазонова (1792–1837) была старшей дочерью чиновника Рязанской палаты гражданского суда Григория Петровича Оболенского (1746–1834) от его первого брака с Марией Ивановной Мещаниновой (?–ок. 1797), дочерью коломенского именитого гражданина Ивана Демидовича Мещанинова.

Некоторые подробности биографии и краткая характеристика личности В.Г. Сазоновой приводятся в записках ее младшей сестры Анны Григорьевны Ермоловой (1807–1852), урожденной Оболенской, опубликованных в 2011 г.: «...Так прошло до 12 летнего моего возраста. Мы опять возвратились в город, где, прожив зиму, в мае месяце отправились в Малороссию для свидания с родными отца моего, которых не только мы с сестрою, но и мать наша и старшая сестра (падчерица моей матери) [здесь и далее курсив мой. – Д.Ф.] никогда не знали. Скажу несколько слов об ней. Она лишилась матери 5 лет и до 10-ти летнего возраста своего оставлена была на произвол судьбы. Отец мало имел времени ею заниматься, а родные матери ее, которые жили в другом городе, хотя и брали ее иногда к себе, но они все были люди не образованные

и купеческого рода* и полагали, что все воспитание состоит в том, чтоб ни в чем не противоречить ребенку и как можно больше кормить его. Когда мой отец женился на моей матери, они, вместо того, чтобы внушить ребенку уважение к ее мачехе, поселили в ней ненависть к ней, и чего ни делала добрая мать моя, чтоб привязать ее к себе, ничто не помогало. Так терпела она до 18 летнего возраста ее. Она вышла замуж за человека не богатого, но не глупого, хорошо воспитанного и доброго. Он тотчас заметил ее вспыльчивый характер и неблагодарность к ее мачехе, и я, бывши совершенным ребенком, не один раз была свидетельницей очень неприятных сцен между ею и мужем ее; в обществе и при муже ее она с моею матерью имела совсем другое обхождение. Надо сказать, что она, хотя и совершенно не получившая никакого образования, от природы была женщина весьма умная, но хитрая. Сестра моя была ее фаворитка, меня же она не любила, я думаю, потому, что ей казалось, что мать моя меня больше любит сестры моей (что совершенно было несправедливо), а может быть и для того, чтоб иметь удовольствие противоречить иногда мужу, который очень любил меня и всегда ласкал более, нежели сестру.

Путешествие наше в Малороссию было довольно продолжительно – мы проехали 4 месяца. Меня, как ребенка, все занимало, не только перемена мест, но даже и то, что мы ехали обозом 12 экипажей и все на своих лошадях, людей было более 40 человек и даже музыканты, хотя и не отличные, но для меня все тогда казалось хорошо. Все были веселы, кроме старшей сестры нашей, потому что едва минуло 6 недель, как она лишилась мужа: он умер в злой чахотке и она осталась с 2 дочерьми и сыном**, из которых старшей было 9 лет, а меньшей 8 месяцев. Одну старшую взяла она с собой, меньших же оставила у родных своих. С племянницей моею мы были очень дружны, что и очень натурально: она 3 года была моложе меня. Я забыла сказать, что со дня кончины мужа сестры моей отец взял ее жить к себе в дом навсегда. При жизни мужа ее, потому что он любил жить не по состоянию, а когда был моложе, играл в карты, от чего наделал долги, которые отец мой всегда уплачивал, отец беспрестанно помогал им или, просто сказать, содержал дом их. И как он почти всякий год ездил в С. Петербург, то всегда привозил оттуда много прекрасных вещей и сестре моей всегда также делал подарки. Но и тут, сколько я могла заметить, она не совсем была довольна; ей казалось, что он матери моей дарит все лучшее, хотя и очень часто мать моя уступала ей лучшее, свои вещи, то, что ей более нравилось...» (См.: Ермолова А.Г. Записки Анны Григорьевны Ермоловой / Публ. И.В. Филиновой, М.М. Якушкиной, Г.Р. Якушкина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2011. [Т. XX]. С. 290–303.) (Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/rak/rak-290-.htm>; дата обращения: 05.11.2019); Московский некрополь / Сост. В.И. Саитов, Б.Л. Модзалевский. Т. 3 (Р–Ф). СПб., 1908. С. 65.)

* Необыкновенно яркая характеристика ближайших родственников В.Г. Сазоновой – И.И. и Е.И. Мещаниновых, ее дяди и тети, – приводится

в автобиографических воспоминаниях Н.И. Гилярова-Платонова, близко знавшего семью коломенских купцов Мещаниновых. Отец публициста в студенческую пору был домашним учителем В.Г. Оболонской (Сазоновой). (См.: И.И. Мещанинов // Гиляров-Платонов Н.П. Из пережитого: Автобиографические воспоминания / Изд. подгот. А.П. Дмитриев, И.Г. Птушкина, Л.В. Дмитриева. Т. 1–2. СПб., 2009.) (Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/271763>; дата обращения: 05.11.2019.)

** В 1815 г. у И.В. и В.Г. Сазоновых родился сын Николай (1815–1862), впоследствии известный русский публицист, общественный деятель, чьи ранние детские годы, вероятно, прошли в доме Сазоновых на Почтовой (см.: Акулов А. Николай Иванович Сазонов // Рязанский следопыт. 1999. № 8. С. 63–69; Он же. Рыцарь свободы. Рязань, 1998).

¹²⁵ ГАРО. Ф. 627. Оп. 249. Д. 90. Л. 28 об.

¹²⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 28. Д. 295. Л. 1.

¹²⁷ См.: Акулов А. Рыцарь свободы... С. 241.

¹²⁸ ГАРО. Ф. 98. Оп. 18. Д. 18. Л. 899 об.; см. также: Записки Анны Григорьевны Ермоловой...

¹²⁹ ГАРО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 30. Л. 10.

¹³⁰ Там же. Ф. 5. Оп. 4 доп. Д. 10. Л. 8 об.–9.

¹³¹ Там же. Ф. 627. Оп. 249. Д. 90. Л. 26 об.

¹³² Там же. Ф. 129. Оп. 19. Д. 116. Л. 8 об., 10.

¹³³ Там же. Ф. 593. Оп. 2. Д. 36. Л. 18 об.

¹³⁴ Там же. Ф. 920. Оп. 1. Д. 509. Л. 92 об.–93; Ф. 1309. Оп. 1. Д. 2. Л. 45–47.

¹³⁵ Там же. Ф. 1309. Оп. 17. Д. 1. Л. 388.

¹³⁶ Там же. Ф. 609. Оп. 19. Д. 154. Л. 4.

¹³⁷ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 53. Л. 16.

¹³⁸ Аксаков И.С. Письма к родным, 1844–1849 / Изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988. С. 4.

¹³⁹ Имеется в виду каменный мост через Лыбедь по улице Астраханской.

¹⁴⁰ Записки графа М.Д. Бутурлина // Русский архив. 1898. Вып. 3. С. 398–399.

¹⁴¹ ГАРО. Ф. 1309. Оп. 4. Д. 1. Л. 40–41.

¹⁴² Там же. Ф. 4. Оп. 46. Д. 411. Л. 86–88.

¹⁴³ Там же. Л. 12 об.

¹⁴⁴ Там же. Л. 52 об.

¹⁴⁵ Там же. Л. 89 об.–90.

¹⁴⁶ Там же. Л. 88.

¹⁴⁷ Там же. Л. 184.

¹⁴⁸ Там же. Л. 185.

¹⁴⁹ Там же. Л. 181, 184.

¹⁵⁰ Там же. Л. 198–199.

¹⁵¹ Там же. Л. 89 об.

¹⁵² Там же. Л. 132.

- ¹⁵³ Там же. Л. 186 об.
¹⁵⁴ Там же. Л. 187.
¹⁵⁵ Там же.
¹⁵⁶ Там же. Л. 186.
¹⁵⁷ Там же. Л. 177–179.
¹⁵⁸ Там же. Л. 179–180 об.
¹⁵⁹ Там же. Л. 55, 56 об., 73.
¹⁶⁰ Там же. Л. 159.
¹⁶¹ Там же. Л. 132 об., 140, 146 об.
¹⁶² Там же. Ф. 4. Оп. 532. Д. 12. Л. 29 об.
¹⁶³ Там же. Л. 132 об.
¹⁶⁴ Там же. Л. 86.
¹⁶⁵ Там же. Л. 71, 75 об., 126 об.
¹⁶⁶ Там же. Л. 104 об.
¹⁶⁷ Там же. Л. 75, 101 об.